

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости

еженедѣльный журналъ

№ 41-й.

10-го ОКТЯБРЯ.

№ 41-й.

Житомиръ, Архіерейскій домъ.

Часть офіціальная.

Перемѣны по службѣ:

27 сентября, священники: с. Андрусіева, Ровенскаго уѣзда, Иларій **Сѣницій** и с. Васьковичъ, Овручскаго уѣзда, Василій **Ясіевичъ**, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

27 сентября, священникъ с. Леликова, Ковельскаго уѣзда, Флоръ **Левитскій** отрѣшенъ отъ прихода.

29 сентября, священники: с. Липы, Дубенскаго уѣзда, Никита **Кроткевичъ** и с. Бакорина, того же уѣзда, Теофиль **Миляевичъ** перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

30 сентября, священникъ с. Волицы-Дубицкой, Староконстантиновскаго уѣзда, Николай **Лотоцкій** отрѣшенъ отъ прихода, а на его мѣсто назначенъ заштатный священникъ Аеиногенъ **Воеводко**.

4 октября, священники: с. Швейковки, Житомирскаго уѣзда, Викторъ **Новосадскій** и с. Гальчинець, Староконстантиновскаго уѣзда, Ниль **Кроткевичъ** перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

4 октября, безм. псаломщикъ Исидоръ **Кунинецъ** назначенъ псаломщикомъ въ с. Вилію, Кременецкаго уѣзда.

4 октября, псаломщикъ-діаконъ с. Барашевки, Житомирскаго уѣзда, Теодоръ **Щирый**, по болѣзни, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ временно исп. обяз. псаломщика въ с. Барашевкѣ Григорій **Герасимовъ**.

4 октября, состоящій на псаломщическомъ мѣстѣ при Св.-Василіевской церкви г. Владимір-волинска, священникъ Теодоръ **Водовичъ** назначенъ на священническое мѣсто въ с. Орище, Владимірволинскаго уѣзда.

4 октября, сверхштатный діаконъ Владимірволинскаго собора Іосифъ **Гунько** назначенъ на псаломщическое мѣсто къ Св.-Василіевской церкви г. Владимірволинска.

4 октября, окончившій курсъ богословскихъ наукъ въ духовной семинаріи діаконъ Ілія **Левчукъ** назначенъ на священническое мѣсто въ с. Леликовъ, Ковельскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ м. **Острожцѣ**, Дубенскаго уѣзда; жалованья священнику 300 р. въ годъ; земли при церкви

34 десят.; прихожанъ 1204 души; помѣщеніе ветхое.

Въ с. **Залѣсцахъ-Шумскихъ**, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 52 дес.; прихожанъ 1730 душъ; помѣщеніе есть.

б) діаконское:

При **Кременецкомъ соборѣ**; жалованья діакону 180 руб. въ годъ; земли при соборѣ 54 десят.; прихожанъ 1862 души.

в) псаломщическія:

Въ с. **Голубіевичахъ**, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 57 дес.; прихожанъ 3543 души; помѣщеніе есть.

Въ с. **Волицѣ-Дубицкой**, Староконстантиновскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 33 дес.; прихожанъ 804 души; помѣщеніе есть.

Въ м. **Новомъ Ратно**, Ковельскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 160 десят.; прихожанъ 3868 душъ; помѣщеніе ветхое.

При **Успенской церкви** м. Любаря, Новоградволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 40 десят.; прихожанъ 1410 душъ; помѣщеніе есть.

При **Троицкой церкви** м. Лабуня, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 52 десят.; прихожанъ 701 душа; помѣщеніе есть.

НАГРАДЫ.

I.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Волинскимъ и Житомирскимъ, священникъ церкви села Лавриновецъ, Изяславльскаго уѣзда, Іосифъ **Романюкъ** и іеромонахъ Загаецкаго монастыря **Ювеналій**, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей, награждены **набедренникомъ**.

II.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гавріиломъ, Епископомъ Острожскимъ, и. д. настоятеля церкви Острожскаго тюремнаго замка заштатный священникъ Петръ **Миляевичъ**, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей, награжденъ **скуфьею**.

Отъ Епархіального Попечительства.

По постановленіямъ Епархіального Попечительства, состоявшимся 4—6-го сентября с. г., съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ по собій: 1), за 1-ю половину 1913 года, безъ воспособленія со стороны Епархіального Попечительства по 5-му округу Ровенскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ Надеждѣ Марковской 4 руб., Аннѣ Янцевичъ 4 р., Софіи Недѣльской 4 р.; священническимъ сиротамъ Раисѣ, Борису, Ольгѣ и Константину Ржепецкимъ 8 р. и псаломщической сиротѣ Домникіи Шеметило 4 руб.; 2) за 1-ю половину 1913 года, безъ воспособленія со стороны Епархіального Попечительства, по 1-му округу Новоградволинскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ Ольгѣ Жолтовской 7 р., Павлѣ Ганжулевичъ 8 р., Александрѣ Шумовской 7 р. 50 к.; священническимъ сиротамъ Александрѣ Дубиновичъ 6 р. 50 к., Надеждѣ Тышкевичъ 7 р.; діаконской вдовѣ Маріи Жуковичъ 6 р. 50 к.; псаломщическимъ вдовамъ Евпраксіи Кузьминской 5 руб., Анастасіи Червинской 4 р., Елисаветѣ Новоселецкой 4 р. и псаломщической сиротѣ Елисаветѣ Калетанской 4 руб.; 3), за 1-ю половину 1913 года, при воспособленіи 6 р. 50 к., со стороны Епархіального Попечительства, по 3-му округу Изяславльскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ Александрѣ Левитской 4 р., Наталіи Дубиновичъ 5 р., Антонинѣ Михалевичъ 5 р.; діаконскимъ вдовамъ Аннѣ Левицкой 3 р., Маріи Мартышевской 3 р., Лидіи Голинковской 3 р.; заштатному пономарю Θεодору Сатаневичу 3 р.; псаломщическимъ вдовамъ Θεклѣ Кошаловской 3 р., Евфросиніи Варницкой 4 р., Павлинѣ Цихоцкой 4 р., Даріи Голинковской 2 р., Маріи Саковичъ 3 р., Аннѣ Ковалевской 3 руб., Марѣ Новоселецкой 3 р.; священнической сиротѣ Домникіи Вакуловичъ 5 руб.; псаломщическимъ сиротамъ Матренѣ Новоселецкой 2 р. и Маріи Тимотіевичъ 4 рубля.

Редакторъ официальной части, Секретарь Духовной Консисторіи **В. Добровольскій.**

Часть неофициальная.

Преданіе или произволь?

Продолженіе статьи объ иконостасахъ.

Въ своей статьѣ объ иконостасахъ (1909 или 1910 года) мы обѣщали возвратиться къ разъясненію вопроса о томъ, должно-ли стремиться къ воспроизведенію самыхъ древнихъ формъ и обстановки христіанскаго богослуженія и храмовъ, или слѣдуетъ сосредоточить свое вниманіе на эпохѣ высшаго расцвѣта того и другихъ, т. е. на 17-мъ вѣкѣ?

Часть отвѣта уже дана въ той статьѣ, да и въ самой постановкѣ вопроса: зачѣмъ же намъ отказываться отъ лучшаго въ пользу менѣ совершеннаго, когда это лучшее не было искаженіемъ первоначальнаго состава христіанской общественной молитвы и ея внѣшней обстановки, не было привнесеніемъ въ нее чего-либо чуждаго, какъ то случилось съ богослуженіемъ латинскимъ, внесшимъ въ храмы и въ службу церковную элементы классическаго язычества (ренессансъ): нѣтъ, наше восточное богослуженіе и его обстановка выросли на почвѣ чисто церковнаго православнаго вдохновенія составителей молитвъ и богослужебныхъ чиновъ, пѣвцовъ церковныхъ и иконописцевъ и зодчихъ. Отрекаться отъ этого духовнаго сокровища дальнѣйшихъ вѣковъ жизни церковной было бы неразумно. Вѣдь церковь VI и XI вѣка и XVII такъ же свята и непорочна, какъ церковь I вѣка, и все, что исходило изъ нѣдръ ея жизни, такъ же свято, какъ то, что порождалось церковью древнѣйшихъ временъ и если церковь до Константина могла насчитывать въ числѣ своихъ чадъ большее количество мучениковъ и чудотворцевъ, чѣмъ церковь современная, то въ отношеніи произведеній церковнаго искусства она не была такъ прекрасно выражена, какъ во времена позднѣйшія. Пасхальная пѣснь Дамаскина, Василіевы молитвы на дни Пятидесятницы и Богоявленія, безсмертныя толкованія Златоуста на евангелія и посланія—всего этого не знали христіане первыхъ вѣковъ. Если мы не отрекаемся отъ этихъ сокровищъ молитвы и разумнѣя духовнаго, то такъ же неразумно было бы предпочитать сравнительную скудость украшенія св. храмовъ, какая была при мученикахъ, позднѣйшему богатству церковнаго благолѣпія.

Христіанамъ первыхъ вѣковъ слѣдуетъ подражать въ самоотверженіи, въ непоколебимости вѣры, въ цѣломудріи и смиреніи, въ братолюбіи и преданности Христу, а не въ отсутствіи иконостасовъ и золотой парчи,—не такъ, какъ лютера-

не и штундисты, которые столь неудачно пытались возродить времена первых христіанъ чрезъ упраздненіе той красоты церковной, которая отрѣшала умъ вѣрующихъ отъ земли и возносила къ небу, ко Христу, къ ангеламъ и мученикамъ. Утратили протестанты и сектанты эту красоту, утратили и ангеловъ, и мучениковъ, отчудились отъ молитвы къ нимъ и отчудились отъ Христа: хотя и любятъ о Немъ говорить, но говорятъ сухо, необъѣденно, какъ бы самого себя стараясь своими выкрикиваніями увѣрить въ томъ, что Христосъ живетъ и слышитъ ихъ, а на самомъ дѣлѣ сомнѣваясь во всемъ этомъ и униживъ религію до степени одного только общественнаго благоприличія.

Впрочемъ не о такомъ уклоненіи отъ нашего византійскаго и русскаго благолѣпія хотѣли мы говорить обстоятельно: мы имѣли въ виду остановить вниманіе читателя на болѣе частныхъ возраженіяхъ противъ возрожденія нашей церковности, дѣлаемыхъ помимо сознательнаго отреченія отъ православія, а якобы въ пользу его древнѣйшихъ обычаевъ. Вотъ эти возраженія.

„Зачѣмъ закрывать алтарь отъ взора молящихся? Зачѣмъ густыми и узкими царскими дверями прятать отъ народа служащаго священника? Зачѣмъ тяжелые высокіе иконостасы, раздѣляющіе мірянъ отъ тайносовершителей? Все это появилось уже во второмъ тысячелѣтіи христіанства,—въ эпоху господства аскетизма и мрачнаго взгляда на жизнь. Католики остались вѣрнѣе свѣтлой старинѣ, сохранивъ открытые алтари и давая возможность мірянамъ по прежнему созерцать всѣ дѣйствія священника надъ святыми тайнами“.

По логикѣ подобныхъ заявленій въ Петербургѣ лѣтъ 30 тому назадъ начали строить храмы почти безъ иконостасовъ, съ царскими дверями въ полтора аршина вышиною, а шириною въ двѣ сажени. Таковъ храмъ Воскресенья въ Сергіевой пустыни, храмъ Троицы на Стремянной и многія домовыя церкви въ столицѣ. Правда, сходство съ древностью здѣсь только въ отрицательной сторонѣ строительства, въ отсутствіи загражденій алтаря, а все, что видитъ взоръ молящихся, исполнено чисто западнаго характера: тутъ и статуи, и лѣпка, и тройные иконостасы, и нарушенные ряды иконъ, и безконечное обиліе рамъ и всякой другой орнаментуры въ стилѣ рококо. Но все же намъ нужно оцѣнить и то, чѣмъ думаютъ хвалиться наши новаторы—открытость алтаря и видимость священнодѣйствующаго клира. Хорошо ли это?

Не споримъ,—позднѣйшая церковная жизнь менѣе была исполнена того дерзновеннаго приближенія къ святынѣ и созерцанія священныхъ таинствъ, коимъ отличалось время мучениковъ: постепенно мірянъ лишили причащенія въ алта-

рѣ, вхожденія въ царскія врата, прикосновенія къ престолу и созерцанія тайносовершенія. Но чѣмъ то вызвано? Мы поймемъ это, когда сравнимъ самое содержаніе молитвословіи древнѣйшихъ и древнихъ. Въ первые вѣка общественная молитва, кромѣ псалмопѣнія, состояла либо изъ прославленія Творца и Искупителя, либо изъ прошеній о о всецѣломъ освященіи всей нашей жизни Божественною благодатію; далѣе, со времени торжества христіанства въ молитву церковныхъ общинъ введено поэтическое истолкованіе нашихъ догматовъ съ опроверженіемъ ересей и съ изъясненіемъ словъ священнаго Писанія. Сверхъ того все больше и больше привносится моленій и прошеній покаянныхъ. Послѣднія пріобрѣтаютъ уже главенствующее значеніе въ эпоху послѣ Іоанна Дамаскина, когда окончились догматическіе споры: христіанинъ молилъ Господа помочь ему въ тяжелой борьбѣ съ увлекающими его страстями и исправить свою жизнь; въ дальнѣйшіе вѣка церковнаго творчества все чаще раздаются угрозы загробными мученіями и молитвы къ Пресвятой Богородицѣ объ избавленіи души, уже не могущей бороться съ собою, но умоляющей небо о милосердіи за свою покаянную скорбь. Всѣ эти элементы церковной молитвы встрѣчались понемногу и въ древнѣйшія времена жизни церковной, но самое творчество ихъ имѣло такую приблизительно исторію.

Не значить ли это, что по мѣрѣ удаленія временъ отъ земной жизни Спасителя, падала у большинства и нравственная сила и взаимнѣе первоначальнаго озаренія Св. Духомъ, дарами чудесъ и мученическаго дерзновенія, большинство христіанъ спасались уже подвигами борьбы съ плотью и другими страстями, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ ослабленіи сердецъ человѣческихъ—однимъ покаяніемъ и смиреніемъ,—оставляя только для лучшихъ изъ своей среды духовные дары мучениковъ и древнихъ преподобныхъ отцевъ.

Вотъ это то сознаніе своего недостойнства, это-то покаянное настроеніе и отдѣлило святая святыхъ христіанскаго храма отъ молящагося народа, сокрыло отъ его глазъ тайну священнодѣйствій алтарныхъ (кромѣ свѣтлой седмицы), какъ сокрывалось отъ народа покрываломъ лучезарное лицо Моисея. Больному глазу не полезно взирать прямо на солнце, а необходимо отгородиться отъ его пожигающаго свѣта темнымъ стекломъ въ очкахъ. Такъ не полезно многогрѣшной общинѣ послѣ легкомысленно или даже преступно проведенной седмицы дерзновенно приближаться къ престолу Божію, видѣть и часто вкушать страшныя тайны. Само церковное сознаніе, само религиозное чувство церковныхъ строителей постепенно и незамѣтно для себя самихъ довершало то, къ чему первые шаги сдѣлала церковная власть, понуждаемая безчиствомъ многихъ мірянъ, когда она лишила ихъ причащенія вмѣстѣ съ клиромъ

воспретила входъ въ алтарь и прикосновеніе къ св. престолу.

А развѣ священники остались такими же праведными, какъ были при Аванасіи Великомъ?—спросятъ міряне-читатели. Нѣтъ, на священниковъ возложены еще болѣе трудныя ограниченія, напоминающія имъ объ ихъ недостойнствѣ. Таковы: продолжительное вечернее и утреннее правило предъ всякимъ служеніемъ, входныя молитвы предъ литургіей, поклоны, троекратное исполненное покаянія, призываніе Святаго Духа предъ тайносовершеніемъ, земные поклоны и прощеніе предъ самымъ причастіемъ. Ничего этого не значитъ по древнѣйшимъ служебникамъ; все это понадобилось „за жестокосердіе ваше“, чтобы постепенно отрѣшить душу священника отъ грѣха и отъ міра и вознести къ Богу. И насколько мірянамъ бесполезно молиться въ алтарь, ни въ храмѣ при открытомъ алтарѣ, въ храмѣ, лишенномъ напоминанія о нашей грѣховной удаленности отъ Бога, настолько же или даже гораздо болѣе все это вредно для предстоятелей общественной молитвы, для священнослужителей. Сознавая, что всѣ ихъ молитвенныя дѣйствія видны народу, іереи уже не заботятся о томъ, что ихъ видитъ и Господь Богъ, и Ангелы, и Святые, а думаютъ о томъ, чтобы аффектировать собою молящихся и подобно ксендзамъ постепенно превращаются изъ молитвенниковъ въ актеровъ, въ кривлякъ, и тѣмъ дѣлаютъ свое служеніе мерзкимъ предъ Богомъ, и по слову Спасителя только здѣсь отъ людей „пріемлютъ мзду свою“, а отъ Бога „сего ради лишшее пріимутъ осужденіе“. Взвѣсившись однажды за такой латинскій способъ воздѣйствія на народъ, они идутъ и дальше: кромсаютъ и коверкаютъ порядокъ нашей службы, обращая ее въ рядъ искусственныхъ эффектовъ и тѣмъ лишая ее даже въ сознаніи самыхъ молящихся авторитета священной богоустановленной древности и каноничности, а сохраняя за ней значеніе религіознаго театра, отъ котораго естественно требуются все новые и новые эффекты, въ измышленіи коихъ католики, напр., дошли уже до крайнихъ предѣловъ, какъ костельныя мистеріи; послѣ этихъ мистерій уже совершенно нечѣмъ развлечь скучающій народъ, такъ что, когда ему пріѣлись и эти духовные фокусы, онъ совершенно покинулъ храмъ, какъ напр., въ Парижѣ, этомъ двухмилліонномъ городѣ, гдѣ и пятисотъ человѣкъ не собирается въ главную церковь на воскресную мессу. У насъ на Руси мистерій, слава Богу, нѣтъ, но зато около аффектированнаго актерства священниковъ и монаховъ развилось нѣчто еще болѣе безобразное,—развилась хлыстовщина со всѣми ея скверными развѣтвленіями.

Спокойное и убѣжденное храненіе каноническаго вида храма, чисто церковнаго духа иконописи, пѣнія и чтенія, а тѣмъ болѣе возможной полноты службы—вотъ вѣрный способъ и Богу

угодить искреннею нелицемѣрною молитвой, и въ народъ хранить убѣжденіе въ томъ, что храмъ и церковная служба предлагаетъ его благоговѣйному вниманію не человѣческіе вымыслы и затѣи, не аффектированное кривляніе маловѣрующаго тщеславнаго лицедѣя, но святую, вѣчную жизнь непогрѣшимой, благодатной Церкви, гдѣ все личное устраняетъ себя, тушется и уступаетъ мѣсто Тому, Кто сказалъ: „идѣже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде ихъ“. Таковъ былъ храмъ, такова была служба въ храмѣ до времени вліянія на нихъ иновѣрцевъ: таковы должны они оставаться и на будущее время.

Архіепископъ Антоній.

Язычество и христіанство предъ временемъ Константина Великаго.

(Къ 1600-лѣтію Миланскаго эдикта).

14 сентября настоящаго года христіанскій міръ праздновалъ большое историческое событіе—1600-лѣтіе обнародованія Миланскаго эдикта.

Въ 313 году императоръ Римскій Константинъ и его соправитель Лициній издали въ Миланѣ эдиктъ, въ силу котораго христіанство признано было не только терпимой въ государствѣ религіей, но приравнено было въ правахъ съ язычествомъ. Вотъ въ извлеченіяхъ сущность этого знаменитаго эдикта... „Мы, Константинъ и Лициній,... постановили даровать христіанамъ и всѣмъ другимъ право свободнаго исповѣданія той вѣры, которую они предпочитаютъ, чтобы Божество, царящее въ небѣ, было благосклонно и милостиво къ намъ... Мы уничтожаемъ всѣ ограниченія, бывшія въ предыдущемъ присланномъ вамъ эдиктѣ, касавшемся христіанъ, и что съ этого момента мы разрѣшаемъ имъ соблюдать свою религію... мы предоставляемъ христіанамъ полнѣйшую и неограниченную свободу въ исполненіи ихъ обрядовъ“...

Какъ достовѣрно извѣстно, главную роль въ составленіи и изданіи этого эдикта принадлежитъ одному Августу Константину: Лициній же долженъ былъ поставить свое имя на эдиктѣ.

Спрашивается: какимъ образомъ сталъ возможнымъ въ началѣ IV вѣка нашей эры такой указъ о вѣроисповѣдной свободѣ для христіанъ? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что всего лишь 9 лѣтъ предъ Константиновскимъ эдиктомъ о вѣроисповѣдной свободѣ для христіанъ изданы были четыре жестокихъ указа противъ христіанъ.

Для рѣшенія этого вопроса слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какомъ состояніи было религіозное сознание языческаго общества наканунѣ христіанства и въ первые вѣка его, а также что пред-

ставляло само первое христианское общество, были ли въ немъ тѣ силы, которыя способствовали бы приближенію миланскаго эдикта, т. е. вѣроисповѣдной свободы.

Ко времени Рождества Христова древній культурный міръ, въ предѣлахъ котораго появилось христианство, переживалъ несомнѣнный религиозный кризисъ. Въ то время какъ въ VI—V вѣкѣ до Р. Х. религиозное сознание эллина достигло высокаго напряженія и искусство, которое являлось, такъ сказать, спутникомъ религіи, становилось на поражающую міръ высоту, въ позднѣйшемъ, въ III, II и тѣмъ болѣе въ I вѣкѣ до Р. Х. религія замѣтно падаетъ, а съ нею вмѣстѣ сильно падаетъ и искусство.

Несомнѣнно, причина упадка религіи классическаго міра коренилась прежде всего въ существованіи ея, въ ея политеизмѣ. Какою бы слѣпой мы ни представляли себѣ вѣру древняго грека или римлянина, все же нельзя допустить, чтобы онъ безъ вниманія оставлялъ то обстоятельство, что боги борются между собою, обманываютъ другъ друга, пожираютъ дѣтей своихъ и ведутъ предосудительную жизнь; всѣ эти пьяные Вакхи, странные силены и т. п. едва ли могли не бросаться въ глаза сколько нибудь мыслящаго грека. А что само по себѣ многобожіе обращало на себя вниманіе древнихъ, видно хотя бы по слѣдующей иронической фразѣ одного сатирика: „Гораздо легче встрѣтить бога, чѣмъ человѣка“. Если боги обманывали другъ друга, то нечего удивляться, если и люди стали обманывать боговъ; напр.: жалѣя приносить богамъ жертвы изъ животныхъ, люди стали обманывать боговъ тѣмъ, что замѣняли животныхъ фигурами изъ воска или хлѣба; о подобномъ же говоритъ и слѣдующій фактъ: царь эфирскій Пирръ пошелъ войною на Римъ; по обычаю римляне должны были совершить предъ войной жертвоприношенія, причемъ жрецъ—феціаль долженъ былъ бросить копье на территорію врага; а такъ какъ эта территорія была далеко, то феціаль дѣлаетъ слѣдующее: плѣннаго эфирскаго солдата заставляютъ купить клочекъ земли въ Римѣ, и на эту то „территорію“ феціаль бросаетъ копье...

Упадокъ религіи былъ общимъ явленіемъ какъ для Греціи, такъ и для Рима, причемъ въ послѣднемъ въ значительной степени подъ влияніемъ греческихъ учителей. По свидѣтельству напр. Катона, жрецы, извѣстные подъ названіемъ гаруспексовъ, „не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга“... Не удивительно, если статуи боговъ стали уноситься изъ храмовъ и служить украшеніемъ въ частныхъ домахъ.

По мѣрѣ того, какъ Римъ, по завоеваніи Греціи, подвигался на Востокъ, происходила такъ называемая теокразія, т. е. смѣшеніе боговъ Греціи и Рима съ богами Востока, причемъ въ Грецію все болѣе вливалась та волна разнузданности,

которая особенно свойственна была Востоку. Насколько угрожающимъ стало послѣднее явленіе, видно изъ того напр., что во II-мъ вѣкѣ сенатъ приказалъ казнить до 7000 послѣдователей восточнаго культа въ связи съ культомъ вакха.

И надо замѣтить, упадокъ религіи сталъ замѣчаться во всѣхъ классахъ общества: афиняне напр., предложили ставшему могущественнымъ римлянину Антонію жениться на богинѣ Афинѣ, а Антоній въ отвѣтъ на это потребовалъ приданнаго тысячу талантовъ; въ первомъ же вѣкѣ до Р. Х. Варронъ сказалъ, что скоро наступитъ конецъ религіи не отъ нападенія какого нибудь врага, а отъ пренебреженія къ ней гражданъ“.

Конечно, такое упадочное состояніе религіи не могло не беспокоить людей государственного настроенныхъ, и они старались какъ либо подержать падающее зданіе религіи. Цицеронъ, напр., говоритъ: „Какъ ни думать объ ауспиціяхъ, соблюдать ихъ необходимо въ силу того, что они могутъ оказать важныя услуги государству, и чтобы не соблазнять народныхъ возрѣній“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же государственный дѣятель говоритъ слѣд.: „Никто не долженъ имѣть отдѣльныхъ боговъ, никто не долженъ почитать частнымъ образомъ боговъ новыхъ или пришлыхъ, если они не приняты государствомъ“ („Separatim nemo labessit deos, neve novos sive advenas, nisi publice adscitos, privatim colunt“ De legibus, 11, 8).

Таково было религиозное состояніе въ классическомъ мірѣ наканунѣ христианства.

Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи было это религиозное состояніе въ первые вѣка послѣ Рождества Христова и вообще до Константина Великаго.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе расшатывалось языческое религиозное сознание, тѣмъ острѣе становилась неудовлетворенность на религиозной почвѣ у культурныхъ язычниковъ. Язычникъ даже верхнихъ слоевъ общества мечется между рѣзкими религиозными противоположностями: то онъ обоготворяетъ нерѣдко ничтожныхъ и жалкихъ цезарей, то караетъ за безнравственность весталокъ, какъ дѣлаетъ это Домиціанъ, то ищетъ утѣшенія въ іудействѣ и вноситъ лепты на іерусалимскій храмъ, то, наконецъ, ищетъ успокоенія и забвенія въ философскихъ ученіяхъ. Послѣднее явленіе въ древне-языческомъ культурномъ мірѣ особенно любопытно и я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Насколько этотъ міръ не удовлетворялся старой религіей, лучше всего видно изъ ученія напр. стоиковъ или эпикурейцевъ или позднѣе неоплатониковъ. Стоицизмъ и эпикурейство появились еще до Р. Х., но расцвѣтъ ихъ наступилъ собственно въ первые 2 вѣка послѣ Р. Х. Лучшими представителями стоицизма являются Сенека, эпиктетъ и Маркъ Аврелій Философъ. Нѣкоторыя мысли ихъ достигали столь поразитель-

ной религиозно-нравственной высоты, что многие не без основания считали и считают эти мысли заимствованными отъ христианства. Приведемъ здѣсь нѣсколько стоическихъ мыслей. „Почитать Бога, говорить Сенека, прежде всего значить вѣровать въ Него, признавать Его величіе и благодать, безъ которой нѣтъ величія; знать, что Онъ господствуетъ надъ міромъ, что Ему подчиняется вселенная, что Онъ опекаетъ родъ человѣческой, что Онъ интересуется отдѣльными людьми“. „Въ порядкѣ вещей, говоритъ Эпиктетъ, что нашего философа бьютъ, какъ осла, и необходимо, чтобы онъ среди побоевъ любилъ тѣхъ, которые его бьютъ, потому что онъ отецъ, и братъ всѣхъ людей“. Но несмотря на отдѣльныя высокія мысли, отъ стоицизма вѣетъ крайнимъ пессимизмомъ, потому что стоикъ не видитъ смысла жизни, не признаетъ безсмертія: „Какъ—воскликаетъ Маркъ Аврелій философъ—„философствующая старуха“, какъ назвалъ его одинъ современникъ, ты хочешь похвалы отъ человѣка, который три раза въ часъ проклинаетъ самого себя?.. Нѣтъ, слава не стоитъ нашихъ заботъ... Въ концѣ концовъ что такое самое безсмертіе? Суета. Не удивительно, если стоики часто не только сами оканчивали жизнь самоубійствомъ, но и другихъ учили то же дѣлать: „Посмотри вокругъ себя, пишетъ Сенека, и ты можешь вездѣ, гдѣ хочешь, найти конецъ твоему бѣдствію. Видишь ты ту отвѣсную скалу? Внизъ съ нея идетъ путь къ свободѣ. Видишь ты то море, ту рѣку, тотъ источникъ? Тамъ, въ ихъ глубинѣ живетъ свобода. Видишь ты то низкое, засохшее, бесплодное дерево? На немъ виситъ свобода. Видишь ты свою гортань, свое горло, свое сердце? Все это убѣжища противъ рабства. Если тебѣ эти выходы слишкомъ трудны, если они требуютъ слишкомъ много мужества и силы и ты спрашиваешь, гдѣ путь къ свободѣ, смотри: туда ведетъ каждая жила въ твоёмъ тѣлѣ“. „Нравится тебѣ—живи, не нравится—можешь вернуться туда, откуда пришелъ“. Такъ что пусть иногда нѣкоторые стоики являются какъ бы „нашими“, по выраженію христіанскаго писателя Тертуллиана (Seneca saepe noster), но въ общемъ это чуждые и враждебные христіанству мыслители.

Тѣмъ болѣе это надо сказать объ эпикурейцахъ, крайне упростившихъ взглядъ на жизнь и сведшихъ всю цѣль жизни къ одному: „ѣшь, пей“, а когда это надоѣдаетъ, то развязкой для нихъ является смерть. Наболѣе выпуклыми, яркими представителями эпикурейскаго ученія являются любимецъ Нерона Петроній и извѣстный скептикъ Лукіанъ Самосатскій. Философія перваго сводится къ слѣдующему: „Наполни жизнь счастьемъ, какъ кубокъ самымъ лучшимъ виномъ, какое только породила земля, и пей, пока не омертвѣетъ твоя рука и не поблѣднѣютъ твои уста. Что будетъ дальше, объ этомъ я не забочусь. Вотъ моя но-

вѣйшая философія“. Но особенно интереснымъ является скептикъ II вѣка нашей эры Лукіанъ Самосатскій, интереснымъ въ томъ отношеніи, что онъ показавъ всю неприглядность религиознаго состоянія въ язычествѣ. Кому молиться и кого почитать, какъ бы спрашиваетъ устами сына ночи Момуса Лукіанъ Самосатскій? у пана рога, козлиныя, ноги и такая же борода; Селень-лидіецъ—лысый и отвратительный старикъ; сатиры-фригійцы съ рогами и хвостами. „Что же удивительнаго, что люди, видя столь чудовищныхъ и смѣшныхъ боговъ, чувствуютъ къ нимъ презрѣніе“? Послѣднюю вѣру въ самихъ олимпійцевъ Лукіанъ Самосатскій разрушаетъ такими словами: „кто ты, собачья голова, египтянинъ, за-вернутый въ салфетки? Какимъ образомъ ты, мой другъ, съ своимъ лаемъ претендуешь быть богомъ? Что нужно этому пестрому быку изъ Мемфиса? А ему воздають божескія почести, у него есть оракуль и жрецы. Мнѣ стыдно говорить о васъ, ибисы, обезьяны, козлы и тысячи другихъ болѣе смѣшныхъ боговъ, которыми наводняли небо египтяне. Я удивляюсь, о боги, какъ вы можете терпѣть, чтобы имъ воздавались такія же если не большія почести, чѣмъ вамъ. Какъ можешь ты, Зевсъ, выносить бараныя рога, которые приставляютъ тебѣ ко лбу на изображеніяхъ“? Расшатывая старую религію, такія лица какъ Лукіанъ Самосатскій подрывали вѣру и въ тѣхъ людей, которые силились хоть что нибудь создать на развалинахъ стараго. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этихъ людяхъ: „Существуетъ родъ людей, которые съ нѣкотораго вѣни выплываютъ на поверхность общества, порода лѣнивая, сварливая, суетная, раздражительная, сластолюбивая, эксцентричная, напыщенная, надменная, „бездельное бремя земли“, какъ говоритъ Гомеръ. Эти люди, разбившись на различныя группы, изобрѣли безчисленное множество лабиринтовъ словъ и называются стоиками, академикомъ, эпикурейцами, перипатетиками и другими, еще болѣе смѣшными именами... Они презирають всѣхъ людей, измышляютъ всякій вздоръ о богахъ, окружають себя молодыми людьми, которыхъ легко дурачатъ, декламируютъ трагическимъ тономъ общія мѣста о добродѣтели и преподають искусство общихъ разсужденій“. Конечно, такіе писатели, какъ „проклятый Лукіанъ, нечестивый и отвратительный насмѣшникъ“, какъ назвалъ его одинъ языческой читатель, производили положительное опустошеніе и безъ того въ опустошенной душѣ даже культурнаго язычника.

Во всякомъ случаѣ язычникъ въ религиозномъ отношеніи переживалъ предъ временемъ христіанства и до серьезнаго знакомства съ послѣднимъ тяжелую психологическую драму, изъ которой онъ не видѣлъ выхода, хотя и искалъ его... Это состояніе языческаго міра лучше всего выразилъ на смертномъ одрѣ одинъ изъ умнѣй-

шихъ, просвѣщеннѣйшихъ и чуткихъ къ богоискательству римскихъ императоровъ—Адріанъ: „Бѣдная моя душонка, безпокойная, изнѣженная, пока ты была гостьей и спутницею тѣла! Въ какія мѣста отправляешься ты теперь, блѣдная, обнаженная и дрожащая отъ холода? Теперь пришелъ конецъ твоимъ обычнымъ шуткамъ“.

Вотъ это „куда ты отправляешься, бѣдная душонка“ для языческаго религіознаго сознанія звучитъ трагически.

Теперь посмотримъ, каковы были въ самомъ христіанствѣ тѣ силы, которыя содѣйствовали приближенію и обнародованію Миланскаго эдикта.

Нѣтъ сомнѣнія, что первое христіанское общество было не только искренно вѣрующимъ въ единого Бога, но и глубоко нравственнымъ. И если многіе культурные язычники искали религіознаго удовлетворенія въ іудейскомъ монотеизмѣ, то, конечно, еще большее утѣшеніе они могли находить въ христіанствѣ, гдѣ монотеизмъ не былъ лишь сухой доктриной, а проникнуть былъ необыкновенно свѣтлой атмосферой морали. Какъ извѣстно, при Неронѣ христіанство было замѣчено римскимъ государствомъ впервые; тогда появились разныя сплетни о христіанахъ и клеветы на нихъ, наприм. въ томъ родѣ, что будто христіане представляютъ собою какихъ то государственныхъ заговорщиковъ, что будто они питаютъ „ненависть противъ всего человѣчества“ и т. п. Но какъ бы ни клеветали на первыхъ христіанъ люди, въ дѣйствительности не знавшіе ихъ, общій голосъ всѣхъ изучавшихъ перво-христіанскую эпоху, включительно до извѣстнаго писателя Генриха Сенкевича, одинъ: христіане были людьми удивительной нравственной силы и высоты. Въ 1874 году мекхитаристами, т. е. римско-католическими монахами, распространяющими христіанство на востокъ, открыта была такъ называемая апологія римскаго сенатора Аполлонія (временъ императора Коммода); въ этой апологіи мы читаемъ слѣдующія строки о нравственномъ состояніи христіанъ даже второго вѣка: „Мы не принимаемъ никакого участія въ нескромныхъ желаніяхъ, не допускаемъ ни нечистыхъ зрѣлищъ, ни прелюбодѣйныхъ взглядовъ, ни ушей, слушающихъ зло, дабы этимъ не уязвить нашихъ душъ“ („Хр. Чт.“ 1896 г. нояб.-декабрь, А. Павловичъ—„Римскій сенаторъ апологетъ“, (ст. 561). Не удивительно поэтому, если столь высокое въ нравственномъ отношеніи христіанское общество производило сильное впечатлѣніе на тѣхъ, которые не знали, куда дѣваться съ своей „бѣдной душонкой“...

Помимо того, что первые христіане отличались высокой нравственностью и тѣмъ содѣйствовали благожелательному, терпимому отношенію къ нимъ языческаго общества, нельзя не обратить вниманія и на слѣдующія внутреннія силы, заключающіяся въ самомъ христіанствѣ и помогав-

шія приближенію вѣроисповѣдной свободы: они учили, что существуетъ не только единый Богъ, какъ строгій Судья, но а какъ Богъ—*Любовь*, пославшій на землю къ страдающимъ людямъ „Сына Человѣческаго“, что всѣ люди равны, всѣ призываются къ спасенію: мало этого, не только равны, но даже, если захотятъ, удостоятся стать „сынами Божиими“; и едва ли нужно говорить, насколько сильное впечатлѣніе производили на міръ, сросшійся съ рабствомъ, эти неслыханныя до тѣхъ поръ слова: „нѣсть эллинъ, ни іудей, варваръ и скифъ, рабъ и свободный“; а насколько сильно было распространено въ Римской имперіи рабство, лучше всего видно изъ словъ виднаго французскаго ученаго Летурно: „Большіе дома, говоритъ онъ, были переполнены въ Римѣ рабами всякаго рода, исполнявшими самыя разнообразныя обязанности У входа находился рабъ, замѣняющій сторожевого пса, также посажженный на цѣпи. Затѣмъ цѣлая толпа рабовъ составляла домашній штатъ каждаго римскаго патриція. Тутъ были и ученые рабы, исполняющіе должность бібліотекарей, переписчиковъ, поэтовъ, переводчиковъ, философовъ, риторовъ, наставниковъ дѣтей и т. п.“). „Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ“ „Міръ Божій“ ноябрь 1897 г. стр. 162). И не только разнаго рода „страждущіе и обремененные“ находили для себя христіанство привлекательнымъ и пріемлемымъ, но и верхніе круги и вотъ почему: христіанство не посягало на существовавшій политическій строй и даже, наоборотъ, какъ бы поддерживало его: „воздадите кесарево кесареви“; христіанство не посягало и на старую образованность прежняго культурнаго міра. Ужъ на что кажется плохъ былъ императоръ Коммодъ, а тѣмъ не менѣе у цитируемаго мною сенатора Аполлонія встрѣчаются о немъ такія строки: „Мы съ несомнѣнностью знаемъ, что онъ (т. е. Коммодъ) поставленъ императоромъ никѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ единымъ Царемъ-Богомъ, Который все содержитъ въ своей рукѣ“ (тамъ-же стр. 500); „Мы любимъ императора, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и возносимъ молитвы за его величество“ (стр. 499). Ясно, стало быть, что ничего противогосударственнаго, заговорческаго въ христіанствѣ нѣтъ, что сами правители римскіе „ничего дурного не находили“ въ христіанствѣ, какъ писалъ напр. Плиній Младшій къ императору Траяну. Проф. М. Корелинъ категорически возстаетъ противъ мнѣнія, что христіанство разрушало античную культуру, что „Церковь уничтожила древнюю литературу“; и онъ несомнѣнно правъ; въ доказательство я позволю себѣ привести слѣд.: справки; извѣстный церковный писатель Тертуллианъ пишетъ: „Какъ мы можемъ отвергнуть свѣтское образованіе (saecularia studia), безъ котораго невозможно религіозное (divina) De idola tribus 81-82). Св. Григорій

Двоесловъ о томъ же такъ пишетъ: „Ad hoc quidam liberales artes discendae sunt, ut per instructionem illarum divina eloquia subtilius intelligantur“, т. е. — надо учиться свѣтскимъ наукамъ для того, чтобы чрезъ изученіе ихъ тоньше, яснѣе понималось божественное писаніе (Migne Patrol. Curs. compl. ser. lat. tom. 79, col. 355-7). Св. Василій Великій тоже признаетъ, не бесполезнымъ изучать науки чужихъ, нехристіанъ.

А если христіанство ничего преступнаго въ себѣ не заключало и было вполне приемлемо для всѣхъ круговъ, то за что же, спрашивается, на него обрушивались столь ужасныя гоненія? Во-первыхъ, тутъ дѣйствовало незнакомство римскаго правительства съ новой религіей, во-вторыхъ, привязанность къ старому укладу жизни, отъ котораго трудно было отказаться, въ-третьихъ, высота христіанскаго религіознаго чувства какъ бы вызывала религіозный подъемъ и среди языческаго міра; религіозная исключительность христіанъ, ихъ, такъ сказать неуступчивость—напр., нежеланіе на званыхъ обѣдахъ, торжественныхъ пиршествъ исполнять старые обычаи возліаній языческимъ богамъ и даже самимъ императорамъ, возведеннымъ въ боги, самый демократизмъ, если можно такъ выразиться, христіанства, какъ бы шокировавшій челоуѣка старой, выдержанной культуры—все это не могло не раздражать римское правительство и не настраивать его противъ христіанства и христіанъ.

И тѣмъ не менѣе ничего утѣшительнаго для старой культуры отъ этихъ гоненій не выходило; наоборотъ, по свидѣтельству Максимиана, при Діоклетіанѣ „почти всѣ люди бросали культъ боговъ, чтобы вступить въ новую вѣру“; предполагаютъ даже, что къ началу IV вѣка $\frac{1}{12}$ населенія Римской имперіи исповѣдывала христіанство.

Кромѣ того, старая культура и старая нетерпимость были поражаемы и ослабляемы христіанской литературой. представители которой стояли на культурной высотѣ тогдашняго времени.

Такія слова, какъ напр. слова христіанскаго писателя Лактанція, не могли не производить впечатлѣнія, какъ бы ни настроено было то общество, на глаза которому попадали эти слова. „Не убивая враговъ своей религіи, можно ее защищать, говоритъ Лактанцій, а умирая за нее. Если вы думаете служить ей, проливая кровь во имя ея, усиливая пытки, вы ошибаетесь. Ничто не должно быть такъ свободно, какъ исповѣданіе вѣры“.

Вотъ въ краткихъ словахъ то, что подготовило время Константина Великаго, что сдѣлало возможнымъ такое замѣчательное событіе, какъ обнародованіе знаменитаго Миланскаго эдикта.

Д. Скрынченко.

Свѣтская печать о духовенствѣ.

— Два священника.

„Родные,“—разсказъ А. Писаревой и „Темная сила“ Вл. Кохановскаго. „Новый журналъ для всѣхъ“, апрѣль 1913 года.

Оба названные разсказа, помѣщенные въ апрѣльской книжкѣ маленькаго ежемѣсячника, имѣютъ между собою то общее, что въ одномъ и другомъ нарисована драма священника, развивающаяся на почвѣ неудачно сложившейся семейной жизни. Въ первомъ разсказѣ эта драма занимаетъ повидимому центральный пунктъ, но загромажденная массою ненужныхъ подробностей и отвлеченій, не производитъ никакого впечатлѣнія, во второмъ она служитъ этапомъ къ трагедіи, гдѣ жертву изображаетъ собой учительница—молодая дѣвушка, а жестокаго изверга, оскорбившаго ее и безчувственную бросающаго въ рѣку, становой приставъ. Впечатлѣніе отъ этого разсказа такое, что перечитывая его, не можешь рѣшиться дойти до финала изъ боязни вторично испытать то тяжелое чувство, которымъ сопровождается первое чтеніе.

Къ женѣ профессора,—разсказываетъ г-жа Писарева,—недавно переселившейся на дачу въ Финляндію и сильно скучавшей (объ подробности никакого отношенія къ сюжету разсказа не имѣютъ), пріѣзжаетъ братъ, о. Василій, занимавшій отцовское мѣсто въ провинціальномъ городѣ, пріѣзжаетъ затѣмъ, чтобы выполнить какую то программу, въ которую входили также паломничество къ Серафиму Саровскому и Троицѣ Сергію. Свиданіемъ его съ сестрой авторъ и пользуется, чтобы раскрыть его драму, заключающуюся въ слѣдующемъ: его жена, молодая попадья, отбилась совсѣмъ отъ семьи; перестала заниматься мужемъ, хозяйствомъ, дѣтьми, стала постоянно твердить, что она уже „проснулась“, что „она хочетъ быть свободной“, что она „хочетъ жить“. Случилось это вотъ какъ: о. Василій въ юности казался большимъ скромникомъ, очень хорошо учился, всегда молился, усердно пѣлъ, и собирався въ монахи, но отецъ заболѣлъ и ему для поддержанія семьи пришлось занять его мѣсто. Стали сватать невѣсту, его будущую жену, разсказали ей про его скромность и монашескія наклонности, и она дала свое согласіе. Скоро ихъ повѣнчали и оставили ихъ чужихъ другъ другу жить вмѣстѣ долгую жизнь. Для невѣсты первые мѣсяцы были очень тяжелы: она плакала потихоньку отъ мужа и все домой къ матери въ гости просилась, но потомъ до поры до времени „смирилась“, пока не попала подъ вліяніе мужниной сестры, экзальтированной гимназистки, проповѣдывавшей эпикуреизмъ и должно быть во имя его повѣсившейся. Это вліяніе и заставило

ее „проснуться“. О. Василій увидѣлъ тогда, что жена его совсѣмъ не любитъ, съ сердечной болью примирился съ этимъ и только просилъ матушку не уходить, не бросать дѣтей. Важнымъ привходящимъ обстоятельствомъ служить распутная жизнь, которую велъ о. Василій до женитьбы при окончаніи семинаріи. Онъ по собственному признанію такъ сильно жилъ, что „чуть не заболѣлъ“. Дурною жизнью онъ самъ объясняетъ раннее выпаденіе волосъ на головѣ; эта же дурная жизнь имѣла очевидно своимъ послѣдствіемъ идиотство его единственнаго сына. Сестра, которой о. Василій признается въ этомъ, ничего этого не знала: одна изъ главныхъ коллизій въ рассказѣ—это ея изумленіе, ея разочарованіе въ братѣ, которымъ она привыкла гордиться, считая его исключеніе въ нашъ вѣкъ порока и разврата. Трудно рѣшить, какую роль играетъ это обстоятельство въ „пробужденіи“ жены. Было ли оно причиною „пробужденія“ или же о немъ жена не подозрѣвала и авторъ приводитъ его только въ доказательство, что молодая матушка была болѣе чѣмъ права, потребовавъ у мужа себѣ свободы, это, какъ выражались раньше, покрыто мракомъ неизвѣстности, въ этомъ случаѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ глубокомысліе автора слишкомъ глубоко, чтобы его можно было разглядѣть обыкновенными глазами безъ очковъ проницательнаго до дна авторской души хитроумія. Къ числу такихъ загадокъ относятся также во-первыхъ характеръ самого о. Василія, а во-вторыхъ значеніе и отношеніе къ сюжету рассказа его заглавія „Родные“ и такихъ подробностей, какъ описаніе петербургской и дачной жизни сестры о. Василія, Евгеніи Николаевны, и смерти другой сестры, Любы. Въ характерѣ о. Василія нагромождены такіа качества: онъ вообще серьезенъ, но сосредоточенъ не на томъ, что для него, по мнѣнію сестры его и самого автора, должно быть самымъ главнымъ, а на мелочахъ; онъ обнаруживаетъ чуткое пониманіе „всего трогательнаго красиво-печальнаго въ жизни“, но вообще къ ней относится по шаблону, выработавшемуся въ духовной средѣ; онъ вообще довольно уменъ, но въ практической жизни онъ—дитя, которому отецъ, „хитрый практикъ“, не надѣясь на его собственную разсудительность, даетъ слѣдующую директиву для жизненнаго пути:

„Не смотри ни на кого, не слушай никого, служи себѣ обѣдни, пой, клади поклоны—и хорошо тебѣ будетъ“.

Наконецъ, если жизнь даетъ основанія для изображенія лицъ съ біографіей изъ двухъ рѣзко противорѣчащихъ по настроенію періодовъ, то смѣна послѣднихъ имѣетъ глубокія причины въ психологіи такихъ лицъ; эти причины нельзя обходить молчаніемъ въ попыткѣ дать художественную характеристику. А авторъ настоящаго рассказа

ихъ игнорируетъ, предоставляя читателю теряться сколько угодно въ догадкахъ, почему или какъ о. Василій отъ юношеской неиспорченности дошелъ до послѣднихъ границъ разврата и послѣ этого возгорѣлся вдругъ религіознымъ чувствомъ и сталъ добродѣтельнымъ семьяниномъ.

Сказаннымъ мы и ограничимся относительно настоящаго рассказа. Добавимъ только, что въ немъ авторъ хотѣлъ обнаружить знаніе и пониманіе современной интеллигентной души и успѣлъ показать только, что эта претензія весьма неосновательна.

Гораздо серьезнѣе второй рассказъ, принадлежащій Вл. Кохановскому. Тутъ есть уже опредѣленная идея, строго выдержанъ характеръ дѣйствующихъ лицъ; и хотя идея шаблонна, все построеніе рассказа въ духѣ Шерлока Холмса, а выдержанность дѣйствующихъ лицъ понимается нѣсколько примитивно, но все же рассказъ производитъ гораздо большее и лучшее впечатлѣніе, чѣмъ предыдущій.

Молодой священникъ о. Андрей подобно о. Василію выбираетъ себѣ подругу „не по влеченію сердца, а по необходимости, для того, чтобы быть возведенному въ священнической санъ“. Но въ отличіе отъ предыдущаго рассказа тягость отъ брачной жизни испытываетъ не жена, а онъ. Жена, по словамъ автора, принесла о. Андрею деньги и была хорошей хозяйкой, но не дала ему радости и счастья.

„Молодое сердце его порывалось къ любви, а взамѣмъ этого получало разговоры о хозяйствѣ, о прибыляхъ, о капиталахъ богатыхъ прихожанъ. Съ каждымъ днемъ молодая женщина становилась ему все дальше и дальше“.

Если бы такъ продолжалось еще нѣсколько лѣтъ, то о. Андрей очевидно сталъ бы ненавидѣть жену, семейная жизнь для него стала бы адомъ, онъ, какъ водится, скоро запилъ бы, сталъ бы развратничать и т. д., словомъ скоро нашель бы тотъ торный путь, по которому изъ года въ годъ идутъ нѣкоторые священники. Въ концѣ концовъ о. Андрей таки доходитъ до монастыря, но путь его нѣсколько другой. Безнадежно заболѣла матушка. Это обстоятельство имѣло для о. Андрея два значенія: во-первыхъ оно давало надежду на освобожденіе его отъ тяжелой роли мужа женщины, къ которой онъ не питалъ любви, а во-вторыхъ, освободившись съ болѣзнью отъ корыстныхъ вождельній, матушка стала какъ будто одухотвореннѣе, чаще говорила ему о своей любви, ласкала его, безотчетно грустила и тосковала, чѣмъ еще болѣе возбудила въ немъ тоску по любви. Такимъ образомъ послѣ смерти жены въ душѣ о. Андрея выкристаллизовываются въ концѣ концовъ два основныхъ настроенія: чувство свободы и жажда любви. Послѣднее настроеніе само по себѣ ничего, конечно, нечистаго, грѣховнаго не представляло: оно было пре-

ступно только потому, что о. Андрей, какъ священникъ, былъ обреченъ послѣ смерти первой жены на безбрачіе. Тутъ и начинается его трагедія. Изъ села, гдѣ онъ похоронилъ жену, его по его просьбѣ перевели въ болѣе многолюдный приходъ. Тутъ онъ знакомится и близко сходится съ молоденькой учительницею. Такъ какъ это первая любовь, то онъ держитъ себя скромно, молодую дѣвушку боготворитъ и не позволяетъ себѣ идти дальше мечты о томъ счастьи, которое принесла бы ему судьба, если бы его женой была эта дѣвушка.

Дальше все идетъ, какъ по писанному. Во-первыхъ о. дьяконъ: это въ высшей степени дурное существо, живущее одними корыстными расчетами, похотливое, трусливое, завистливое, способное на всякую подлость. При предшественникѣ о. Андрея, выжившемъ изъ ума старикѣ, дьяконъ управлялъ всѣмъ приходомъ, въ результатѣ чего онъ все богатѣлъ, а священникъ, наоборотъ, бѣднѣлъ. Надо ли говорить, что о. Андрей имѣлъ уже врага въ немъ еще до пріѣзда своего на новое мѣсто. Обстоятельства вскорѣ выяснили, что о. дьяконъ не ошибался, предполагая, что съ назначеніемъ новаго священника придетъ конецъ его вольготному житью; съ пріѣздомъ о. Андрея отъ него ускользнуло управление приходомъ и подчасъ его законнѣйшимъ правамъ наносился ущербъ: о. Андрей не позволялъ брать за требы съ бѣдныхъ прихожанъ. Все это вмѣстѣ взятое, включая сюда и впечатлѣніе отъ наружности о. Андрея („болно много ужъ свѣтскости“), а также и уйму книгъ и журналовъ, привезенныхъ о. Андреемъ, скоро утвердили о. дьякона въ мысли, что о. Андрей—революціонеръ.

Во-вторыхъ становой приставъ: этотъ человекъ обладаетъ всѣми достоинствами дьякона за исключеніемъ трусости. Приставъ давно заглядывается на учительницу; онъ хочетъ сдѣлать изъ нея любовницу. Сближеніе съ нею о. Андрея возбуждало во-первыхъ его ревность, а во-вторыхъ отняло ту крупницу уваженія къ чистотѣ дѣвушки, которая для этого животнаго служила сдерживающей уздой.

„Да ужъ понятно,—теперь съ поповской любовницею церемониться не буду“,—заявляетъ онъ дьякону, узнавъ про дружбу о. Андрея съ учительницею.

Учительница любовницею была только въ его развращенномъ воображеніи, которое иначе не могло себѣ объяснить ея долгихъ бесѣдъ съ о. Андреемъ. Въ виду всего этого становой рѣшилъ принять мѣры: онъ пробрался къ о. Андрею, когда того не было дома, и сдѣлалъ обыскъ въ его квартирѣ, но ничего запрещеннаго, къ чему можно было бы тутъ же придратъся, онъ не нашелъ. Обиліе книгъ однако истолковывается такъ:

„Видно ужъ болно образованный, а разъ образованный—значитъ неблагонадежный“.

Случай пришелъ становому на помощь и помогъ ему и о. дьякону выжить о. Андрея. Въ ту самую минуту, когда о. Андрей, укрывшись въ полуразвалившуюся избу отъ грозы, застигнувшей его случайно съ учительницею, впервые говоритъ ей о своихъ чувствахъ, становой съ лавочникомъ—сторонникомъ о. дьякона, подслушиваетъ его. Конечно, дьякону этого только и нужно было: вскорѣ о. Андрея судили и сослали въ монастырь, а уволенную учительницу становой, возбужденный виномъ, обезчещиваетъ, ворвавшись ночью въ ея комнату, и затѣмъ ее безчувственную или мертвую сваливаетъ въ рѣку. О. дьяконъ, отправившись со становымъ къ учительницѣ съ тою же цѣлью, изъ трусости убѣгаетъ.

На томъ разказъ и кончается. Идея его вполне опредѣлена: онъ констатируетъ торжество „темной силы“ надъ свѣтлымъ чувствомъ молодого священника къ учительницѣ (авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что чувство о. Андрея къ учительницѣ было свѣтлымъ, а не преступнымъ), торжество зависти, корыстолюбія, уголовщины, тупости, темноты въ лицѣ дьякона и станового. Судя по этому разказу авторъ настроенъ весьма пессимистически. Крупные недостатки есть въ построеніи разказа и въ характеристикѣ его героевъ. Художественная правда требуетъ отъ автора литературнаго произведенія, имѣющаго предметомъ какую-нибудь человѣческую драму, независимо въ формѣ ли діалога или элической, чтобы драма эта развивалась главнымъ образомъ изъ психологическихъ условій данныхъ лицъ, а не изъ условій внѣшнихъ. Таковыя внѣшнія условія по отношенію къ драмѣ о. Андрея будутъ фигуры о. дьякона и станового. Онѣ лишніи, потому что о. Андрей могъ придти самъ собой къ тому, къ чему авторъ приводитъ его съ ихъ помощью. Правда, учительницѣ не пришлось бы въ такомъ случаѣ сдѣлаться жертвою, вопіющею къ небу о страшномъ злодѣяннѣ станового, но отъ этого разказъ только выигралъ бы въ серьезности; учительницу можно было бы послѣ осужденія о. Андрея, выгнанную начальствомъ, опозоренную, заставить броситься въ рѣку; это было бы несравненно правдоподобнѣе, какъ и то, если бы о. Андрей былъ приведенъ къ монастырю столкновеніемъ жажды любви съ каноническимъ закономъ, воспреещающимъ священнику вступленіе во второй бракъ. Что касается характеристики героевъ разказа, то, какъ было уже упомянуто выше, авторъ слишкомъ примитивно представляетъ себѣ понятіе выдержанности. Въ стремленіи къ ней онъ хватилъ черезъ мѣру: мы даже затрудняемся найти въ литературѣ еще парочку такихъ злодѣевъ, какими являются въ настоящемъ разказѣ становой съ дьякономъ. Это также лишнее. Для развитія разказа совершенно достаточно было бы

для о. дьякона зависти, корыстолюбія и трусости для того, чтобы шатающемуся о. Андрею дать послѣдній толчекъ, а становой могъ-бы великолѣпно обойтись съ характеромъ ловеласа, чтобы въ послѣднюю минуту дать учительницѣ почувствовать, что она опозорена и всѣми оставлена.

М. В—скій.

ПО ЕПАРХІИ.

Миссіонерскіе крестные ходы.

I.

Отъ Эмельчина до Ровно.

По примѣру прежнихъ лѣтъ и настоящей осенью съ 9 по 22-е сентября состоялся грандіозный крестный ходъ Миссіонера о. Митрофана. Съ крестнымъ ходомъ проносилась св. икона Воскресенія съ частицей св. Камня отъ Живоноснаго Гроба Господня, пожертвованная патриархомъ Іерусалимскимъ, Блаженнѣйшимъ Даміаномъ. Начало крестнаго хода было съ с. Эмельчина Новоградволинскаго у., конецъ въ г. Ровно. О Митрофану сопутствовалъ и помогаль Уѣздный Миссіонеръ, о. Александръ Молчановъ. Во время крестнаго хода по приходамъ совершались торжественныя богослуженія, произносились миссіонерскія бесѣды, народу раздавались миссіонерскіе листки, иконки, а дѣтямъ крестики. Маршрутъ крестнаго хода былъ слѣдующій: 9 сентября Эмельчино—Сербы; 10-го Сербы—В. Цвилья; 11-го Цвилья, Адамовъ, Курчицы; 12-го Курчицы—Городница; 13-го Городница, Сторожевъ, Кобылье, Корець; 14-го Корець; 15-го Корець—Даничевъ (Ровенск. у.); 16-го Даничевъ, Яновка, Межиричи; 17-го Межиричи, Липки, Коростятинъ; 18-го Коростятинъ, Воскодавы, Гоща (Острожскаго у.); 19-го Гоща, Горбаковъ. Бабинъ (Ров. у.), Подлѣски; 20-го Подлѣски, Глинки—Колоденка (Ров. у.); 21-го Колоденка, Басовъ Куть, Тынное, Ровно.

Первую недѣлю крестнаго хода погода не особенно благоприятствовала путешествующимъ.

Было сыро, холодно, грязно и туманно. За то, начиная съ 13-го сентября и по 21-е включительно стояла дивная, солнечная, сухая погода.

Какъ и всегда, богомольцевъ во время крестнаго хода въ каждомъ приходѣ собиралось очень много.

Народъ съ большимъ усердіемъ встрѣчалъ и провожалъ процессію, переполнялъ храмы во время богослуженія, со вниманіемъ слушалъ бесѣды миссіонеровъ.—Послѣднее наглядно свидѣтельствуешь о твердости въ народѣ святой православной вѣры и преданности его святой церкви. А при такомъ состояніи православнаго настроенія не страшны народу всевозможныя

лжеученія, въ которыя стараются совратить народъ его религіозные развратители—штундисты, хлысты и др.

Величественную картину представляли вечернія богослуженія. Въ виду большого количества молящихся они обычно совершались на церковномъ погостѣ, здѣсь-же полукругомъ разставлялись хоругви и св. иконы; во время поліелея молящіеся, по приглашенію о. Митрофана, приобрѣтали свѣчи и стояли съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Литія обычно совершалась вокругъ храма съ произнесеніемъ по четыремъ сторонамъ храма установленныхъ прошеній.

По окончаніи литіи о. Митрофанъ съ церковнаго крыльца обычно произносилъ бесѣду. Листки, крестики и св. иконки раздавались народу во время елеопомазанія. По окончаніи литургіи обычно совершалось троекратное обхожденіе вокругъ храма, послѣ котораго здѣсь-же на погостѣ возглашались установленныя многолѣтія и произносилась миссіонерская бесѣда.

Дивно-величественны были встрѣчи крестныхъ ходовъ, когда двѣ процессіи медленно и торжественно приближались одна къ другой и совершалось „преклоненіе хоругвей“. Особенно красивъ былъ видъ крестнаго хода, когда поздно вечеромъ онъ подходилъ съ цѣлымъ моремъ огней въ рукахъ богомольцевъ. Въ такомъ видѣ крестный ходъ достигъ особенной красоты при приближеніи къ селу Подлѣскамъ. Когда весь народъ со свѣчами сошелъ съ высокой горы, то о. Митрофанъ остался на горѣ и по просьбѣ пастырей произнесъ бесѣду къ народу.

Если приходилось приходить поздно, то часть всенощнаго бдѣнія совершалась по дорогѣ.

Особенной торжественностью отличался крестный ходъ въ Ровно. На протяженіи двухъ верстъ стояли шпалерами войска, играло четыре военныхъ оркестра, пѣло четыре хора (городской и три сельскихъ въ соединеніи), масса народа вышла навстрѣчу, городской голова на границѣ города встрѣтилъ святыню и поднесъ о. Митрофану хлѣбъ-соль.

Въ 5 ч. вечера прибылъ Преосвященный Діонисій, который совершилъ всенощное бдѣніе и на другой день литургію въ городскомъ соборѣ. По окончаніи, литургіи состоялся крестный ходъ вокругъ собора, по окончаніи котораго о. Митрофанъ съ высокаго крыльца собора произнесъ бесѣду. Такъ закончился миссіонерскій крестный ходъ. Слава потрудившимся въ устройствѣ его приходскимъ пастырямъ земли Волинской!

II.

Съ разрѣшенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гавріила, мною была перенесена изъ Хролина въ Конотопъ икона „Казанскія“ Божія Матери, выписанная мною изъ Авоны.

18 сентября въ девятомъ часу утра нашъ крестный ходъ во главѣ съ о. о. настоятелями

Ничпальскаго и Хролинскаго приходоу, а также ми при моемъ участіи выступилъ изъ Хролинъ. Всю дорогу отъ Хролинъ до Конотопа служились молебны и когда пѣвшіе уставали, я на ходу говорилъ поученія. Въ верстахъ четырехъ отъ Конотопа икону встрѣтилъ Конотопскій крестный ходъ со своимъ о. настоятелемъ во главѣ. Несмотря на рабочее время, народу собралось масса; приходили даже изъ хуторовъ Новоград-волынскаго и Изяславльскаго уѣздовъ, расположенныхъ въ 10—15-ти верстахъ отъ Конотопа; конотопцы же не только православные, но и даже католики всѣ вышли встрѣтить икону. Многіе еще за 1/2 версты до крестнаго хода ставали на колѣни и на колѣнахъ же ожидали икону. При встрѣчѣ крестныхъ ходовъ я сказалъ слово о Пресвятой Богородицѣ, нашей Молитвенницѣ и скорой Заступницѣ. Видно было, что, хотя въ Конотопѣ (вѣрнѣе вокругъ Конотопа) и свило себѣ гнѣздо сектантство, но есть много истинно вѣрующихъ православныхъ: слезы и радости и умиленія видны были на глазахъ у многихъ. Въ одиннадцать часовъ мы были въ Конотопскомъ храмѣ. Здѣсь я провелъ первую бесѣду миссіонерскаго характера — о почитаніи Богоматери, при чемъ впервые, для запоминанія слушателями текстовъ, сталъ вводить общее пѣніе ихъ. Такъ на примѣръ; прочитавши текстъ Луки, 1 глава 41 по 44 ст. я задавалъ тонъ, самъ канонаршилъ и всѣ пѣли его на шестой гласъ. Какъ оказалось, такой способъ заучиванія во всѣхъ отношеніяхъ самый лучший: во-первыхъ больше шансовъ на запоминаніе текстовъ, а во-вторыхъ и слушатели не утомляются. Такимъ путемъ я еще велъ въ Конотопѣ въ продолженіи двухъ дней миссіонерскія бесѣды. Крестьяне тамъ очень религіозные и аккуратно посѣщали бесѣды, которыя велись отъ восьми часовъ до двѣнадцати и отъ четырехъ до девяти. Не только конотопцы, но и хуторяне не пропускали ни одной бесѣды и пріѣзжали на цѣлый день въ Конотопъ. 20 послѣ вечерней бесѣды ко мнѣ явилась депутация и пригласила меня на религіозно-нравственную бесѣду въ д. Буртынъ Полонскаго прихода, куда я пріѣхалъ уже въ одиннадцатомъ часу. Несмотря на столь позднее время школа была полна народомъ. Побесѣдовавъ съ ними околѣ часу и пропѣвши нѣсколько молитвъ, я ушелъ на отведенную мнѣ квартиру, обѣщавъ на другой день опять провести бесѣду. 21 въ восемь часовъ утра я опять былъ въ школѣ и бесѣдовалъ о постѣ, спасеніи только въ церкви, о крещеніи и миропомазаніи младенцевъ и о единственно истинной православной вѣрѣ (противъ католиковъ), въ двѣнадцать часовъ бесѣда была окончена и я уѣхалъ домой.

Священникъ **Аркадій Остаљскій.**

Изъ жизни другихъ епархій.

Въ Пензенской епархіи епархіальное начальство предложило мѣстному обще-епархіальному съѣзду обсудить средства, какія слѣдуетъ употребить въ цѣляхъ уничтоженія алкоголизма среди самихъ духовныхъ лицъ. Съѣздъ прежде, чѣмъ вынести то или иное постановленіе, остановился на причинахъ столь нежелательнаго и печальнаго явленія и нашелъ, что къ числу ихъ должны быть отнесены: частью наслѣдственная склонность нѣкоторыхъ лицъ къ употребленію алкоголя, а частью умственная неразвитость, излишній досугъ, вліяніе дурной среды и неправильный взглядъ на употребленіе спиртныхъ напитковъ, какъ на дѣло невинное, достойное даже иногда призыванія на него благословенія Божія. Въ противовѣсъ такимъ причинамъ съѣздъ въ 25 день октября 1912 г. сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

1) „Пастыри церкви должны прежде всего давать въ собственной жизни примѣръ безусловной трезвости.

2) Для заполненія имѣющагося у членовъ причта досуга привлекать ихъ къ участію во внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ, въ обученіи народа пѣнію, организациі хорowego пѣнія.

3) Замѣчая слабыхъ къ винопитію членовъ причта, поддающихся вліянію нравственно испорченныхъ людей, пастыри церкви должны такъовыхъ увѣщевать оставить сообщество съ дурными людьми.

4) Въ случаѣ невниманія къ пастырскимъ увѣщаніямъ, священники должны просить благочиннаго, чтобы онъ съ своей стороны принялъ мѣры увѣщанія и внушенія съ участіемъ членовъ благочиническаго совѣта.

5) О результатахъ безуспѣшности принятыхъ къ исправленію мѣръ благочинные должны сообщать на окружныхъ благочиническихъ съѣздахъ и на нихъ составлять постановленія съ ходатайствомъ предъ Его Преосвященствомъ о перемѣщеніи неисправимыхъ въ другой округъ“.

(Ор. Е. В.).

Въ Пермской епархіи благочиннической съѣзду духовенства пермскаго единовѣрческаго округа рассмотрѣлъ предложеніе о благочиннаго священника Александра Зеленина, касающееся взаимоотношеній между духовенствомъ вообще.

Лица духовнаго званія, имѣющіе духовный санъ, именующіеся „братьями во Христѣ“, повсемѣстно забываютъ объ этомъ въ жизни своей, не проявляя ничѣмъ этого священнаго братства. Каждый изъ насъ, встрѣчаясь съ незнакомымъ намъ лично духовнымъ нашимъ „братомъ во Христѣ“, легко признаваемымъ по наружнымъ знакамъ отличія, какъ на примѣръ, по

одѣянню, проходить мимо другъ друга, не отдавая обоюдного привѣтствія. Только что то неумовимое, какъ тѣнь, пробѣгаетъ у встрѣтившихся въ глазахъ и также быстро скрывается въ опущенныхъ долу очахъ. Не хватаетъ мужества открыто выразить, хотя-бы поклономъ, этого братства. Вѣкъ эгоизма сказанъ и въ вашей средѣ.

Между тѣмъ яркій примѣръ истиннаго товарищества, общности дѣла, примѣръ достойный подражанія и похвалы мы видимъ у военныхъ среди офицерства. Одно ихъ отданіе другъ другу „чести“ сразу сближаетъ за минуту предъ тѣмъ незнакомыхъ людей. Только подобныя взаимоотношенія создаютъ близость, кастовое выдѣленіе среди другихъ сословій и главное укрѣпляютъ высокае сознаніе о своемъ долгѣ, „чести мундира“, и призваніи.

Въ трехъ послѣднихъ качествахъ крѣпко нуждается и духовенство, такъ какъ нерѣдко грѣшитъ оно и противъ, понятія о долгѣ и, перефразируя выраженіе военныхъ противъ „чести рясы“ и противъ призванія неумѣстными поступками и словами.

Было бы весьма желательнымъ развитіе высокихъ свойствъ братства во Христѣ среди духовенства, и первымъ шагомъ къ этому послужило бы признаніе всѣмъ духовенствомъ правъ гражданства за обоюдными привѣтствіями всюду между лицами духовнаго сословія въ установленномъ одѣянніи. Начинаніе Пермскаго епархіальнаго округа капля въ морѣ. Поэтому округу было бы въ высшей степени желательно имѣть знаки одобренія или порицанія предлагаемаго со стороны нашего благочиннѣйшаго Архипастыря. Оцѣнка Его Преосвященства могучій моральный двигатель духовенства къ самоусовершенствованію. На семь журналѣ послѣдовала резолюція-Его Преосвященства таковая, отъ 1го августа за № 5102: „Весьма сочувствую высказаннымъ здѣсь мыслямъ. Журналъ напечатать въ неофициальной части „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, для ознакомленія духовенства епархіи“.

(П. Е. В.)

Изъ Саратовской епархіи духовная консисторія заслушала сданное Преосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ, на заключеніе духовной Консисторіи извѣщеніе саратовскаго губернатора, коимъ названный губернаторъ увѣдомляя, что одинъ изъ священниковъ Саратовской епархіи непосредственно телеграфировалъ предсѣдателю совѣта министровъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ своего прихода, и находя съ своей стороны непосредственное обращеніе къ г.г. министрамъ со стороны священнослужителей неправильнымъ и неудобнымъ, просилъ его Преосвященство о томъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ, во избѣжаніе

повторенія подобныхъ случаевъ, сдѣлать надлежащія указанія о порядкѣ сношенія подвѣдомственныхъ его Преосвященству священнослужителей съ высшими учрежденіями и лицами. Обсудивъ вышеизложенное и принимая во вниманіе: 1) что по правиламъ Апостольскимъ священникъ ничего не долженъ совершать безъ вѣдѣнія и воли своего епископа и 2) что по смыслу ст. 155 т. II Св. зак., изд. 1892 г., священникъ—настоятель прихода не можетъ имѣть непосредственнаго сношенія съ высшими мѣстами и лицами постороннихъ вѣдомствъ, Саратовская духовная консисторія постановила въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, а также для подтвержденія духовенству Саратовской епархіи объ исполненіи закона о порядкѣ сношенія съ высшими лицами и мѣстами, т. е. о томъ, что прошенія, извѣщенія и вообще какія бы то ни было служебныя сношенія съ высшими лицами и учрежденіями другихъ вѣдомствъ должны производиться черезъ свое духовное начальство, а равно и для напоминанія священно-церковнослужителямъ епархіи, что и сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ по дѣламъ церковнослужебнымъ должны направляться чрезъ о. о. благочинныхъ,—объявить духовенству Саратовской епархіи къ точному исполненію циркулярными указами. (Сарат. Дух. Вѣстн.).

Въ Московской епархіи епархіальное начальство предоставило компетенціи благочинническихъ совѣтовъ слѣдующія судебныя дѣла: 1) „поступки священно-церковно-служителей противъ должности и благоповеденія, не сопровождающіеся явнымъ вредомъ и соблазномъ и при томъ совершенные тѣмъ или другимъ членомъ причта въ первый разъ, при безупречномъ прежнемъ поведеніи; сюда принадлежатъ: неявка или опаздываніе діаконовъ и псаломщиковъ къ богослуженію и требоисправленію, самовольныя и продолжительныя отлучки изъ прихода, грубость и непочтительность въ отношеніи къ настоятелямъ, вообще нарушеніе священно-служительскихъ обязанностей; 2) иски о личныхъ обидахъ, оскорбленіяхъ, которыя не соединены съ поступками, противными достоинству духовнаго сана и которыя могутъ быть прекращены взаимнымъ примиреніемъ; 3) жалобы прихожанъ на мѣстное духовенство: за отказъ въ удовлетвореніи ихъ просьбы относительно совершенія богослуженія или требъ или несвоевременное исполненіе таковыхъ просьбъ; за притѣсненія при выдачѣ выписей и свидѣтельствъ изъ церковныхъ документовъ и вообще за недозволенные и излишніе поборы; заявленія о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, если эти заявленія и жалобы приносятся единственно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго вразумить посредствомъ братскаго совѣта и увѣщанія и тѣмъ окончить дѣло, безъ

формальнаго судопроизводства, и 4) иски о вознагражденіи за убытки и объ уплатѣ безспорныхъ долговъ священно-церковно-служителей“. Однако, при повтореніи однородныхъ жалобъ до трехъ разъ благочиннической совѣтъ обязывается доложить объ этомъ немедленно епархіальному начальству съ указаніемъ, какія мѣры были приняты имъ противъ виновнаго и для возстановленія нарушеннаго порядка. Самыя дѣла въ благочинническихъ совѣтахъ вчиняются или по словеснымъ или по письменнымъ заявленіямъ благочиннаго, а также по устнымъ и письменнымъ жалобамъ духовенства и прихожанъ. Изъ консисторіи выдается благочинническому совѣту особая книга для записи всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и ихъ рѣшеній, причемъ то и другое подписывается всѣми членами благочинническаго совѣта и спорящими сторонами, которыя тутъ же въ книгѣ и дѣлаютъ письменное заявленіе въ случаѣ недовольства судомъ. Для обжалованія рѣшенія благочинническаго совѣта въ консисторію полагается мѣсячный срокъ, пропустивъ который, отвѣтчикъ обязанъ всецѣло подчиниться постановленію совѣта. Сверхъ перечисленныхъ выше дѣлъ въ благочинническіе округа передано еще право разсмотрѣнія споровъ по раздѣлу братскихъ доходовъ, по пользованію усадебной и полевой землей, причтовыми постройками и разными угодіями. Но непосредственное разсмотрѣніе такихъ споровъ благочинническіе совѣты поручаютъ отъ себя особой комиссіи изъ трехъ членовъ, выбранныхъ самими сторонами, а сами подвергаютъ разслѣдованію подобныя дѣла лишь въ томъ случаѣ, если предъ ними будетъ обжаловано рѣшеніе комиссіи одной изъ спорящихъ сторонъ. („Рук. для сельск. паст.“, № 35).

ПЕЧАТЬ.

Къ характеристикѣ католическаго духовенства.

Пятидесятилѣтіе польскаго возстанія дало поводъ польскимъ шовинистамъ лишній разъ поговорить о православномъ духовенствѣ. У большинства польскихъ писателей ложь вмѣсто правды просвѣчиваетъ въ каждой фразѣ. Но есть такіе, которые, не желая быть голословными, подтверждаютъ свои вымыслы о недостаткахъ русскаго духовенства фактами. Мы не намѣрены повторять ихъ, а обратимъ вниманіе лишь на слѣдующее обстоятельство. Нашему духовенству ставятся польскими шовинистами въ вину нѣкоторые недостатки изъ стараго, давно забытаго прошлаго. На основаніи прежнихъ недостатковъ судятъ о его настоящемъ состояніи. Такъ, напр., говоря о необразованности православнаго духовенства, они особенно смакуютъ сохранившійся о немъ отзывъ Новгородскаго митрополита Геннадія, который

между прочимъ писалъ, что ставленники „едва брели по псалтири“, а „въ апостолѣ и ступить не могли“. Объ этомъ поляки говорятъ въ такомъ духѣ и тонѣ, какъ будто бы упомянутый отзывъ былъ отображеніемъ современной дѣйствительности.

Да, какъ видно изъ словъ митрополита Геннадія, въ печальномъ состояніи находилось тогда православное духовенство. Но при чемъ-же тутъ духовенство 1863 года и современное? Это одно. Во-вторыхъ, слѣдовало бы польскимъ шовинистамъ обратить вниманіе на тогдашнее состояніе западнаго духовенства и посмотрѣть, — чисто ли тогда было оно отъ недостатковъ, свободно отъ попрековъ? Къ сожалѣнію нѣтъ. Нисколько не преувеличивая, мы должны даже сказать, что съ ногъ до головы находилось оно въ грязи, жило въ грубомъ невѣжествѣ и порокахъ, при томъ такихъ, о которыхъ никогда не могла составить себѣ представленія самая буйная фантазія стараго русскаго „попа“. Что дѣйствительно въ несравненномъ худшемъ, чѣмъ у насъ, состояніи находилось западное духовенство, увидятъ читатели изъ нижеслѣдующей выдержки, специально приведенной нами изъ одной статьи, помѣщенной въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“¹⁾.

Вотъ какими чертами изображается у римско-католическихъ писателей нравственность западнаго духовенства: „Духовные открыто содержатъ непотребныхъ женщинъ въ своихъ домахъ, предаются различнымъ играмъ, занимаются торговлею²⁾. Монахи предаются охотѣ, пьянству, и копятъ деньги³⁾. Въ клирѣ нѣтъ никакого стыда; онъ отваживается на то, чего отвращаются даже разбойники⁴⁾. Міряне во многихъ приходкахъ не иначе соглашаются терпѣть священника, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ имѣть наложницу; они имѣютъ при этомъ въ виду уменьшеніе разврата. Священники, чуждые подобныхъ преступленій, становятся въ глазахъ остальныхъ предметомъ насмѣшекъ“⁵⁾.

Невѣжество клира равнялось его порочности. „Были священники, которые разумѣли латинскій языкъ (на которомъ совершалось богослуженіе), немного болѣе, чѣмъ арабскій, и едва могли различать буквы. Почти всѣ священники читаютъ по складамъ⁶⁾. Для нихъ достаточно, если могутъ отвѣтить, какая часть рѣчи слово Господь, и отличить латинское да отъ нѣтъ⁷⁾. Совершенно

¹⁾ За 1868 г., вып. 5, стр. 4—9; статья „Триденскій соборъ“. Мы приводимъ точныя указанія тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ заимствованъ столь интересный матеріалъ.

²⁾ Слова епископа Констанскаго Гугона (см. Wessenberg, Die grossen Kirchenocrsammlungen, III, 8, 9).

³⁾ Erasmus epist. ad Lodolet. У Wessenberg-a, цит. сочин.

⁴⁾ Gerson de simonia c. 4. Apud Cieseler, Lehrbuch der Kirchengesch. 11, 3. § 108 n. d.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Gieseler 11, 3. § 108 n. d.

⁷⁾ Ibid, 4. § 139, n. d.

ничего не понимаютъ изъ Священнаго Писанія, а ученіе презирають. Человѣкъ, не извѣдавшій опытомъ, не можетъ повѣрить, сколько они разсѣиваютъ въ своихъ проповѣдяхъ народу заблужденій, басенъ и ересей. Книгъ Священнаго Писанія или совсѣмъ не имѣютъ или имѣютъ очень немногія, потому что съ ненавистью преслѣдуютъ знаніе⁸⁾.

Въ управленіи церковномъ было множество злоупотребленій. „Папы, особенно со времени такъ называемаго великаго раскопа (1378—1428), когда два и даже три лица въ одно время выдавали себя за папъ, изобрѣли множество средствъ дѣлать огромные поборы, и тѣмъ поддерживать блескъ своего двора, обогащать своихъ родственниковъ и вести войны. Такъ введены были индульгенціи, подать подъ названіемъ „динарій святаго Петра“, право наслѣдства послѣ умершихъ епископовъ, годовые сборы съ новопоставляемыхъ (annatae) десятина на войну съ турками, празднованіе въ Римѣ юбилея, сопровождавшееся также денежными взносами, разрѣшенія (dispensationes et absolutioes) за извѣстную плату отъ соблюденія церковныхъ постановленій; отъ обѣтовъ монашества, отъ присяги, отъ епископскаго суда, отъ судебного преслѣдованія за такія преступленія, какъ убійство и нарушеніе цѣломудрія. Положена была плата за устроеніе церкви, монастыря, монашескаго братства, школы, благотворительнаго заведенія; введены большіе поборы съ судившихся⁹⁾. Замѣщеніе праздныхъ мѣстъ дѣлалось предметомъ торговли при Римскомъ дворѣ¹⁰⁾. Даже и не праздна мѣста были продаваемы; покупательъ обязывался ждть смерти лица, занимавшаго его будущее мѣсто¹¹⁾. Продажность вошла въ такую силу при Римскомъ дворѣ, что образовалась даже такса на мѣста¹²⁾. Конечно, въ томъ уже нѣтъ ничего страшнаго, что лица, пріобрѣтавшіе себѣ мѣста по таксѣ, не имѣли ни способности, ни желанія исправлять свои обязанности. Обыкновенно они находили себѣ дешевыхъ намѣстниковъ, преимущественно изъ братства (ордена) нищенствующихъ монаховъ, а сами жили при дворѣ папы, или гдѣ находили для себя удобнѣйшимъ. Часто даже необходимость заставляла пастырей искать такихъ намѣстниковъ и поручать имъ исправленіе своихъ обязанностей, потому что тогда многимъ епископамъ и священникамъ раздавали по нѣскольку мѣстъ служенія (напр., у одного епископа было по нѣскольку епископій) и при томъ въ разныхъ государствахъ“¹³⁾.

Въ какой степени достовѣрно это изображеніе состоянія духовенства и управленія западной

⁸⁾ Wessenberg, цит. соч. III, 5, 15.

⁹⁾ Gieseler, цит. соч. II, 3, § 103. Вызинскаго, Папство и свящ. римская Имперія, стр. 144. Робертсона, Ист. госуд. Карла V, II, 117, 118.

¹⁰⁾ Gieseler ц. соч. II. 3. § 108; Ранке, римскіе папы, кн I, стр. 54—57.

¹¹⁾ Грамоты, дававшія право на такія мѣста, назывались „expectativae“.

¹²⁾ Ранке, Римскіе папы, кн. I, гл. 2, стр. 55.

¹³⁾ Consilium delectorum cardinalium de emendanda

Церкви во время, предшествовавшее созванію Тридентскаго собора, о томъ всего лучше свидѣтельствуется докладъ тайной комиссіи, составившейся въ Римѣ по порученію папы Павла III для изслѣдованія церковныхъ злоупотребленій. Это было не задолго до собора, въ 1538 году. „Церковь Божія и особенно Римскій дворъ, сказано было въ докладѣ, давно страдаютъ тягчайшими болѣзнями, которыя мало по малу, усиливаясь, привлекли нынѣ великое разрушеніе (magnam ruinam). Начало всѣхъ золъ было въ томъ, что нѣкоторые папы, чешими слухомъ, по словамъ Апостола, избрали себѣ учителей по своимъ похотехъ, для измышленія основаній, по которымъ позволительно было бы дѣлать то, что нравится... Къ священному сану допускаются всякіе невѣжды, люди самаго низкаго происхожденія и дурной нравственности; отсюда безчисленные соблазны, презрѣніе къ духовенству и не только уменьшеніе, но даже почти уничтоженіе Богопочтенія. Злоупотребленіе величайшей важности заключается въ предоставленіи одному лицу нѣсколькихъ мѣстъ, особливо епископскихъ... Грамоты выжидательныя (expectativae) должны быть уничтожены. Кардиналамъ даются епископскія кафедръ и не одна, а многія; между тѣмъ обязанности кардинальскія и епископскія несовмѣстимы; кардиналъ обязанъ быть при папѣ, а епископъ обязанъ пасты стадо свое... Нужно запретить епископамъ и священникамъ удаленіе отъ своихъ церквей. Ибо какое плачевное зрѣлище представляетъ міръ христіанскій. Почти всѣ пастыри оставили свои стада и ввѣрили ихъ наемникамъ... Другое великое, не терпимое злоупотребленіе, соблазняющее всѣхъ христіанъ, составляютъ препятствія, поставляемыя епископамъ въ управленіи ихъ паствъ, особенно въ наказаніи и исправленіи порочныхъ; люди худые, преимущественно духовные, освобождаются отъ судебной власти своего епископа, прибѣгаютъ къ Римской канцеляріи, и здѣсь тотчасъ находятъ безнаказанность и, что хуже всего, за деньги; нельзя даже выразить словами, въ какой степени этотъ соблазнъ возмущаетъ христіанъ... Монахи до того испорчены, что служатъ для мірянъ великимъ соблазномъ и очень сильно вредятъ своимъ примѣромъ... Святокупство безчеститъ апостольскій престолъ и возмущаетъ народъ... Въ школахъ, особливо въ Италіи, учатъ нечестиво, даже въ храмахъ бываютъ нечестивѣйшія разсужденія... За деньги монахи получаютъ разрѣшеніе отъ своихъ обѣтовъ, а родственники позволенія на вступленіе въ бракъ... Виновные въ симоніи покупаютъ себѣ освобожденіе отъ наказанія за преступленіе... Въ самомъ Римѣ позорныя женщины среди дня ходятъ въ сопровожденіи кардиналовъ и клириковъ“¹⁴⁾.

Сообщилъ С. Д—въ.

Изъ обзорѣнія духовныхъ журналовъ.

Въ журналѣ „*Церковный Вѣстникъ*“ (августъ № 32) помѣщена интересная замѣтка подъ заглавіемъ „*Атеизмъ, какъ болѣзнь*“. Безвѣріе, или атеизмъ самая страшная болѣзнь нашего времени, хотя она и не сопровождается никакими физиологическими измѣненіями въ организмъ, а представляетъ собой единственный, въ своемъ родѣ, видъ чисто душевной болѣзни. Отличительный признакъ этой болѣзни заключается въ томъ, что умственный кругозоръ человѣка суживается и останавливается на идеѣ отрицанія. Изъ этой послѣдней исходитъ больная во всѣхъ своихъ мысленныхъ построеніяхъ, направленныхъ противъ предметовъ религіознаго чувства: Богъ, душа, духовный потусторонній міръ и т. п. Что безвѣріе, дѣйствительно, представляетъ собой особый видъ психическаго разстройства, а не результатъ высшаго научнаго развитія мысли, это подтверждается уже тѣмъ, что данной болѣзни подвергаются лица, очень мало или совсѣмъ незнакомыя съ наукой. Чрезвычайная заразительность этой болѣзни для людей всѣхъ возрастовъ и классовъ нашего общества объясняется отчасти состояніемъ современной умственной среды, подготовленной крайне ненормальными условіями развитія личности, отчасти особой гипнотической силой идейнаго внушенія, исходящаго изъ сознательнаго источника измѣненной воли. Величайшая опасность атеизма заключается въ томъ, что онъ господствуетъ въ сферѣ естественныхъ наукъ, что тамъ подъ его вліяніемъ созданъ цѣлый рядъ ложныхъ теорій и обобщеній, сознательно выдаваемыхъ за результаты высшихъ умственныхъ приобрѣтеній, и эти теоріи пользуются громаднымъ авторитетомъ. Опасность атеизма для отдѣльныхъ личностей, общества и государства велика оттого, что нѣтъ никакихъ средствъ къ излеченію этой болѣзни. Само выздоровленіе же, по мнѣнію автора, возможно только въ первой стадіи развитія болѣзни, въ періодъ борьбы сознанія съ прикоснувшейся заразой, когда больного необходимо помѣстить въ такую обстановку, которая является воплощеніемъ въ жизнь живого религіознаго чувства и удѣлитъ ему возможно больше любви. Соответствующая обстановка, полный умственный отдыхъ, устраненіе всякихъ доказательствъ, убѣжденій, напоминаній больному о предметѣ его сомнѣній—вотъ единственный путь къ борьбѣ съ страшной эпидеміей въ самомъ началѣ ея развитія.

Въ журналѣ „*Христіанинъ*“ (августъ) проф. Прот. П. Свѣтловъ въ статьѣ „*Библия и наука*“ приводитъ отзывы о Библии различныхъ ученыхъ. Эти отзывы для православнаго пастыря въ апологетическихъ цѣляхъ противъ современнаго не-

вѣрія, нападающаго на Библию отъ имени науки, имѣютъ весьма важное значеніе, какъ довольно надежное орудіе. Въ настоящее время вѣдь любятъ ссылаться на авторитеты.

Знаменитый естествовѣдъ *К. Фонъ-Беръ* пишетъ о Библии: „Нападки на Моисееву исторію творенія являются комическими анахронизмами? Болѣе возвышенной космогоніи мы не имѣемъ отъ древняго времени, да едва ли можетъ быть дана намъ такая“.

О первой книгѣ Библии химикъ *Бишоффъ* говоритъ: „Не изъ строгаго изслѣдованія, не на пути наблюденія и опыта черпаль знанія свои безсмертный авторъ Бытія. Онъ былъ приведенъ къ истинѣ другимъ источникомъ знанія,—Боже-ственнымъ вдохновеніемъ“.

Физикъ *Віо* говоритъ: „Или Моисей въ наукѣ былъ такъ же свѣдущъ, какъ наше столѣтіе, или онъ былъ просвѣщенъ Богомъ, писалъ по вдохновенію отъ Него“.

Великій извѣстный намъ всѣмъ физикъ *Амперъ* повторяетъ приблизительно то же самое. „Послѣдовательность, въ которой появляются органически образованныя существа, составляетъ точную послѣдовательность шести дней творенія, какъ представляетъ ее намъ книга Бытія. Или Моисей имѣлъ такое же глубокое образованіе въ наукахъ, какое существуетъ въ наше столѣтіе, или-же онъ былъ просвѣщенъ Богомъ“.

Математикъ и физикъ *Эйлеръ* находитъ, что Библия ничего не теряетъ отъ возраженій невѣрующихъ,—менѣе, чѣмъ геометрія, по отношенію къ которой тоже встрѣчаются возраженія. Если есть охотники возражать даже противъ геометріи, говоритъ Эйлеръ, „то по какому-же праву невѣрующіе могутъ требовать, чтобы мы отвергнули тотчасъ и совсѣмъ Св. Писаніе вслѣдствіе возраженій противъ него, которыя при томъ чаще далеко не такъ важны, какъ тѣ, которыя дѣлаются противъ геометріи“.

Химикъ *Р. Вайль* замѣчаетъ: „Въ сравненіи съ Библией всякія человѣческія книги, даже лучшія, всетаки лишь то же, что въ сравненіи съ солнцемъ планеты, которыя свой свѣтъ и блескъ заимствуютъ отъ солнца“.

Геологъ и минералогъ *Джемсъ Дана* свой учебникъ геологіи заканчиваетъ замѣчаніями о библейской исторіи творенія міра и находитъ, что „никакого дѣйствительнаго противорѣчія не можетъ быть между обѣими книгами Великаго Автора (т.-е. Библией и естествознаніемъ); въ той и другой содержится откровеніе, данное Имъ человѣку“.

По мнѣнію нашего отечественнаго ученаго *Ломоносова* „кажущіяся противорѣчія между Библией и наукой могутъ быть примирены, если въ примиреніи ихъ мы будемъ слѣдовать примѣру отцовъ и учителей церкви, особенно Василію Великому,“ (Шестодневъ).

Психіатръ и неврологъ *Джемсъ-Кричтонъ-Бруунъ* заявляетъ: „Библия—не ученый трактатъ, точно такъ же, какъ и наука—не религіозное откровеніе, и поэтому вполне понятно, что тамъ, гдѣ обѣ выходятъ за свои, свойственныя имъ и строго очерченныя области, онѣ какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Если въ Библии, при изложеніи ея космогоніи по Моисею, есть техническія неправильности, то, въ свою очередь, и наука не менѣе виновна въ своихъ узкихъ истолкованіяхъ глубочайшихъ запросовъ и высшихъ упованій и стремленій человѣческаго сердца. Библия и наука, я думаю, дополняютъ другъ друга. Къ несчастью,— правда, что нѣкоторые ученые, способные и честные, но погруженные въ изученіе матеріальныхъ предметовъ, отрицали боговдохновенность писаній и даже ихъ права на разумное разсмотрѣніе; но великіе учителя науки большею частью были истинно благочестивы и полны вѣры“.

Зоологъ *Генри Макинтошъ* утверждаетъ, что „такъ называемые конфликты между наукой и Библией есть только противорѣчія между теоріями теологовъ, незнакомыхъ съ наукой, и теоріями ученыхъ, не знающихъ религіи“.

Астрономъ *Саундерсъ* дополняетъ всѣ приведенныя заявленія ученыхъ. „Есть, говоритъ онъ, нѣкоторые научные факты, почитаемые нами въ настоящее время за солидно установленные и которые расходятся съ нѣкоторыми положеніями Библии; но эти положенія никоимъ образомъ не затрагиваютъ вѣры... Нѣтъ конца научному знанію, и Библия не предназначена учить насъ тому, что можетъ быть открыто нашимъ собственнымъ разумомъ“.

Въ журналѣ „*Церковно-Общественный Вѣстникъ*“ (августъ № 33) заслуживаетъ вниманія статья подъ заглавіемъ „*Церковь и рабочій классъ*“. Рабочій классъ, какъ извѣстная общественная самостоятельная группа, появился у насъ сравнительно недавно. Хотя рабочій классъ людей вышелъ изъ простаго деревенскаго люда, но въ настоящее время успѣлъ настолько разобщиться духовно съ нимъ, что ничего общаго, пожалуй, онъ уже и не имѣетъ съ сельскимъ людомъ. У рабочаго класса людей—своя психологія, своя душа, свой взглядъ на вещи. Нашъ сельскій народъ—это народъ „добрый“ и еще съ болѣе или менѣе чистымъ сердцемъ и отзывчивой душой. Фабричный мастеровой—другое совсѣмъ. Ненормальныя условія, въ которыхъ большею частью приходится жить рабочему люду, при его грамотности, и даже иногда полуобразованности, естественно порождаетъ подполье, злобу, недовольство, общественный протестъ. Среди рабочаго класса, особенно среди полуобразованной его массы мы замѣчаемъ большею частью самое отрицательное отношеніе къ

Церкви, къ духовенству, къ религіи. Въ такомъ отрицательномъ духѣ нашъ рабочій классъ воспитывается всевозможными популярными брошюрами, социалистическими писателями и т. п., вытравливающими изъ недовольной души рабочаго рѣшительно всѣ задатки религіозности. Авторъ статьи ставитъ укоряющій вопросъ: почему же мы, которые видимъ все это, ничего не предпринимаемъ съ своей стороны; почему мы не стараемся противопоставить популяризаціи разныхъ ложныхъ идей нашего вѣка популяризацію нашей лучшей богословско научной мысли. Въ то время, какъ разные партійные люди популяризируютъ Маркса, Каутскаго и т. п., наши церковные дѣятели даже лучшее достояніе богословской мысли (Несмѣловъ, Тарѣвъ, Свѣтловъ) оставляютъ подъ спудомъ. Развѣ при стараніи съ нашей стороны мы не могли бы вліять на массы рабочихъ такъ же какъ вліяютъ марксисты. Нуженъ только трудъ, желаніе и стараніе.

Извѣстія и замѣтки.

Когда именно на воскресной утрени слѣдуетъ по уставу пѣть полвелей и когда 17 каѳизму?

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ пропусковъ и отступленій отъ дѣйствующаго у насъ церковнаго устава, практикующихся въ нашихъ приходскихъ храмахъ при отправленіи общественнаго и частнаго богослуженія ярко выступаетъ, между прочимъ, слѣдующее нарушеніе богослужебнаго устава.

Какъ почти всякій православный знаетъ, въ огромномъ большинствѣ нашихъ приходскихъ храмовъ на воскресныхъ утренихъ поется круглый годъ полвелей (т. е. 4 стиха изъ полвел. псал., а не оба сполна 134 и 135 полвел. псалмы), а 17 каѳизма, или „непорочны“, никогда нигдѣ не исполняется. Всегда мы слышимъ „Хвалите имя Господне“... и никогда не слышимъ стихословія (на 3 статьи) 17-й каѳизмы—„Блажени непорочниі“... А какъ она поучительна!...

Между тѣмъ уставомъ положено большую часть года пѣть на утренихъ въ воскресные дни „непорочны“ и только треть года—полвелей. Но въ тѣ воскресные дни, когда прилучится память святаго, имѣющаго полвелейную или бдѣнную службу, или великій праздникъ Христовъ, Богородицы или Предтечи, тогда всегда поется полвелей, а не 17 каѳизма. Замѣтимъ мимоходомъ, что когда поется полвелей, тогда послѣ псалмовъ 134 и 135 всегда исполняется величаніе святому или празднику*), кромѣ тѣхъ воскресныхъ дней.

*) Конечно, съ псалмомъ „избраннымъ“ (въ концѣ Псалтири). Когда воскресная служба соединяется со служ-

когда нѣтъ праздника или памяти великаго свя- таго, но когда полвелей полагается ради самаго дня воскреснаго.

Полвелей должно пѣть по уставу на вос- кресныхъ утреньяхъ только въ слѣдующіе періоды года и воскресные дни—праздники:

1) Съ перваго воскреснаго дня по отданіи праздника Воздвиженія Креста (т. е. послѣ 21 сентября) и до 20 декабря, предпраздн. Рож- дества Христова. Въ этотъ періодъ на утреньяхъ седм. дней (кромѣ суббот. и воскресн.) полагается читать по 3 каѳизмы; но когда прилучится въ какой-либо изъ седмичныхъ дней праздникъ, тогда на утрени читается только 2 каѳизмы, а 3 я— рядовая—на вечерни (Тѹпиконъ, гл. 17, подъ 1-мъ „зри“).

2) Съ перваго воскреснаго дня по отданіи праздника преславнаго Богоявленія (т. е. послѣ 14 января) и до недѣли (воскресен.) Сыропустной (отъ 15 января до субботы предъ воскрес. о блудномъ сынѣ на утреньяхъ седмич. дней стихо- словится опять по 3 каѳизмы).

3) Во всѣ великіе праздники Христовы, Бо- городичные, Предтечевы и святыхъ съ бдѣніемъ или полвелеемъ, прилучающіеся въ какой бы то ни было воскресный день, въ томъ числѣ: въ недѣлю (воскрес.) свв. Праотець, въ недѣлю свв. Отець—предъ Рождествомъ Христовымъ (см. подъ 11 и 17 декабря), въ воскресн. Антипасхи, по случаю праздн. Осязанія св. апост. Ѳомы, когда послѣ полвелей поется особое величаніе съ „из- браннымъ“ псалмомъ (см. на ряду въ Тѹпиконѣ и Трїоди цвѣтной); и

4) Въ праздники храмовые и высокаторже- ственные (царскіе) дни, въ какой бы день седь- мицы они не прилучились.

Такимъ образомъ, около двухъ третей года на воскресныхъ утреньяхъ стихословится (послѣд- нею) 17 каѳизма, или „непорочны“ (какъ и въ субботу); а послѣ сего прямо поются воскресные тропари (въ субботу, когда нѣтъ праздника, — субботніе), съ припѣвомъ „Благословенъ еси, Господи“... Именно, полвелей не поется, какъ бы замѣняясь „непорочными“, въ слѣдующіе періоды и воскресные дни.

1) Съ 20 декабря по 14 января, кромѣ праздниковъ и памяти великихъ святыхъ, при- лучающихся въ день воскресный *).

бою праздника или святаго, съ бдѣніемъ или полвелеемъ, тогда послѣ величанія и „избраннаго“ псалма тотчасъ же поются воскресные тропари, безъ „слава и иынѣ“ и „аллилуїа“ 3-жды.

*) Замѣтимъ кстати, что въ воскресный день (за исключениемъ воскресныхъ дней отъ Пасхи до недѣли свѣхъ Святыхъ) непременно должно дополнять воскресную службу гласа октоиха службою святому минеи, не только святому съ бдѣніемъ, полвелеемъ, великимъ славословіемъ или шестеричному, но и рядовому, коему положено только 8 стих. на „Госп. возвахъ“.

2) Съ недѣли (воскрес.) сыропустной или сырной, во всю св. Четыредесятницу, Пятидесят- ницу (кромѣ недѣли Антипасхи) и во весь длин- ный періодъ года до самаго отданія Воздвиженія Животворящаго Креста Господня, т. е. до 21 сен- тября (Тѹп, гл. 17).

Въ эти дни и періодъ времени на воскрес- ныхъ утреньяхъ 17 каѳизма стихословится по уставу въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ сѣдальновъ (по 2-й каѳизмѣ) и послѣ уставнаго чтенія изъ Толкованія Евангелія (или изъ друг. книгъ)—исполняются „непорочны“ пу- темъ обычнаго стихословія каѳизмы, съ раздѣле- ніемъ на 3 части—„славы“. Но Тѹпиконъ пред- писываетъ „непорочны“ пѣть: „и поемъ непорочны на гласъ 5-й“ (Тѹпик., гл. 2 подъ 2 мъ „зри“). Во время 17 каѳизмы священникъ кадитъ всю церковь установленнымъ порядкомъ, при закры- тыхъ царскихъ вратахъ, выходя изъ алтаря съ- верною дверію и возвращаясь въ алтарь послѣ кажденія въ южную дверь (какъ и въ субботу на 17 каѳизмѣ). По окончаніи каѳизмы поются вос- кресные тропари съ припѣвомъ „Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ“, а далѣе—вся служба идетъ обычнымъ поряд- комъ, по уставу.

Когда поется полвелей, тогда отверзаются царскія двери, и священникъ кадитъ всю цер- ковь (Тѹпик., гл. 2 и 22); а когда исполняется 17-я каѳизма и послѣ нея воскресные тропари, тогда кажденіе производится при закрытыхъ цар- скихъ вратахъ, какъ выше сказано; отверзаются же они только предъ чтеніемъ Евангелія, а имен- но—послѣ того, какъ пропоются „степенны“ гла- са (утрен. антифоны) и діаконъ возгласитъ: „Вон- мемъ, премудрость“, а канонархъ скажетъ (у насъ тотъ же діаконъ): „Прокимень, псаломъ Дави- довъ, гласъ такой то“. По чтеніи Евангелія, по цѣлованіи его и уносѣ въ алтарь, царскія двери опять затворяются. Замѣтимъ мимоходомъ, что они должны быть закрыты по уставу даже во время великаго славословія, во все время литіи (на литію выходить должно сѣверными дверями), на стиховнѣ, во время пѣнія тропаря и благосло- венія хлѣбовъ... Но на 9 й пѣснѣ канона (когда бываетъ полное кажденіе всего храма) царскія двери открываются до конца канона. (Пермск. Е. В.)

Хорошій обычай.

Въ ожиданіи поѣзда на станціи Новочер- касскъ, въ компаніи съ однимъ знакомымъ еса- уломъ Донскаго войска, мнѣ случилось однажды провести нѣсколько томительныхъ и скучныхъ часовъ.

Часу въ 12-мъ ночи въ залу вошелъ моло- дой изящный офицеръ, покрытый прекрасною кав- казскою буркою. Мой знакомый есауль, увидѣвъ вошедшаго и замѣтивъ на себѣ его взглядъ, при-

поднялся съ нѣкоторою мѣшковатостью, говорившею о его 45—50 годахъ и, приложивъ руку къ козырьку фуражки, отдалъ честь. Тоже, лишь съ большею ловкостью и граціей, продѣлалъ вошедшей и занялъ свободный стулъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что есаулъ и этотъ военный вовсе незнакомы другъ съ другомъ, а раскланялись лишь въ силу существующаго въ военной средѣ обычая при встрѣчѣ взаимно привѣтствовать другъ друга. Прекрасный обычай!

Помимо своего прямого значенія, какъ акта самой простой вѣжливости, помимо того, что привѣтствующій своимъ привѣтствіемъ хочетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе встрѣчному человѣку, какъ таковому,—этотъ обычай имѣетъ глубокое внутреннее значеніе. Онъ является показателемъ, внѣшнимъ выраженіемъ той солидарности, того единенія, которое тѣсно связываетъ многочисленныхъ членовъ военной семьи. Тамъ, гдѣ существуетъ эта тѣсная связь отдѣльныхъ членовъ другъ съ другомъ, гдѣ каждый членъ при видѣ даже совершенно незнакомаго другого члена внѣшними знаками даетъ ему понять, что онъ не одинъ, что въ случаѣ нужды онъ можетъ рассчитывать на поддержку собрата,—тамъ каждый смѣло и бодро идетъ по дорогѣ жизни. Онъ знаетъ, что всѣ за него и онъ за всѣхъ.

Духовенство, проповѣдующее всѣмъ миръ, братство, любовь и прочія добродѣтели, само въ своей средѣ не практикуетъ прекраснаго обычая взаимнаго привѣтствія, которое принято среди военныхъ. Пусть у военныхъ оно введено по требованію высшаго начальства, у духовенства оно должно было родиться само собою, безъ всякихъ принужденій и предписаній, какъ необходимое слѣдствіе христіанскаго ученія. Странно наблюдать его отсутствіе. На первый взглядъ, быть можетъ, это и не бросается въ глаза, но стоитъ хоть-чуть внимательнѣе присмотрѣться къ тому, и вся эта уродливость становится во весь ростъ. Въ вагонѣ, на пароходѣ, въ вокзалахъ и тому подобныхъ людныхъ мѣстахъ вы всегда увидите кучку военныхъ и въ тоже время вамъ нельзя не обратить вниманія на одинокія фигуры духовныхъ, робко прячущіяся по угламъ и обмѣнивающіяся другъ съ другомъ не привѣтствіями, а воспросительными взглядами.

Пишущему эти строки не разъ случалось привѣтствовать при встрѣчахъ на улицѣ незнакомыхъ духовныхъ и неизмѣнно приходилось читать на ихъ лицахъ совершенно искреннее, по видимому, изумленіе такому поступку наизнаго сельскаго іерея; такое странное поведеніе священника, привѣтствовавшаго одного изъ городскихъ діаконовъ, до того удивило послѣдняго, что онъ счелъ своимъ долгомъ хлопнуть священника по плечу и сказать ему: „ты, отецъ,

чудакъ!“ До такихъ геркулесовыхъ столповъ разобщенности мы дошли. А вѣдь привѣтствовать другъ друга при встрѣчахъ—дѣло маленькое, простое, легкое, удобоисполнимое; за то по своему значенію безгранично симпатичное и очень о многомъ говорящее. Не по уговору, не по ранѣ достигнутому соглашенію, а по идеальной симпатичности этого обычая давайте введемъ его у себя, въ своей духовной семьѣ. (X. Ц. Т.)

Священникъ **Іоаннъ Петровъ.**

Печатать разрѣшается: Цензоръ

Архимандритъ Прокопій.

Редакторъ неофициальной части

Архимандритъ Митрофанъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная:
 1) Преданіе или произволь? 2) Язычество и христіанство предо временемъ Константина Великаго.
 3) Свѣтская печать о духовенствѣ. 4) По епархіи. 5) Изъ жизни другихъ епархій. 6) Печать.
 7) Изъ обзорнія духовныхъ журналовъ. 8) Извѣстія и замѣтки. 9) Объявленіе.

Ф. суц. съ

1862 года.

**Художественно-иконостаенная
 МАСТЕРСКАЯ
 СТРОИТЕЛЯ ЦЕРКВЕЙ**

Іосифа Теодоровича

КОСАРЕВА

(Житомиръ, Кіевская 102)

принимаетъ на себя исполненіе ИКОНОСТАСОВЪ, кіотовъ, горнихъ мѣстъ, гробницъ, ИКОНЪ, крестовъ и другихъ церковныхъ подрядовъ.

Постройка новыхъ и ремонты старыхъ храмовъ.

Срочные иконостасы выполняются въ 3-4 мѣсяца.

Работы удостоены многочисленныхъ аттестаций г.г. заказчиковъ и Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Волынскаго Антонія.